Лузер

Автор:
Олег Данильченко

Лузер

Олег Викторович Данильченко

Остров Русский #1Современный фантастический боевик (АСТ)

Жизнь у каждого складывается по-разному. Кому-то фартит, а кого-то записывает в неудачники, и вот ты уже не живешь, а доживаешь по привычке. Исчезли куда-то друзья-приятели, близких ты тоже больше не интересуешь, а тут еще возраст давит на психику. Как говорится – кризис среднего возраста грянул. Пессимист скажет: хуже некуда. Оптимист же улыбнется: бывает и хуже. Но судьба непредсказуема. Хоп! А вокруг уже другой мир. На глазах оживают сказки и ночные кошмары. По окрестностям бродят как ни в чем не бывало мертвецы, и совершенно случайно можно встретить живого гнома или эльфа, не говоря уже о других мифических существах, а магия так и вовсе рядовое явление. Отныне просто доживать более не получится. Далее уже выживать надо. Пришла пора вспомнить о том, что мужчина это не просто автомат для добычи денег, а в первую очередь воин и защитник.

Олег Викторович Данильченко

Остров Русский: Лузер

© Олег Данильченко, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

Кар Зинус был смышленым парнем. Да и вообще ему в жизни несказанно повезло. Впрочем, он и сам это знал. Чай, не дурак! Родиться угораздило в семье не самого зажиточного крестьянина, где кроме него числилось еще четырнадцать отпрысков, да к тому же не самым старшим из них, а потому перспективы были весьма далеки от радужных. Попросту говоря, ждать и надеяться не на что. Самое светлое, что с ним могло бы произойти, так это наем в дружину местного барона. Хотя… это ведь тоже весьма сомнительная радость.

Барон только недавно вступил в наследство, после скоропостижной кончины папеньки, а потому на данном этапе был деятелен и непоседлив. Поговаривали, что как бы не сам отпрыск постарался пристроить папахена на пару метров под землю. А то уж больно зажился. Поговаривали также, что и сам ныне почивший барон в свое время проделал тот же фокус со своим родителем, дедом нынешнего барона. Может, врут, а может, и нет. Кару, впрочем, на семейные тайны сюзерена было глубоко плевать. Его больше беспокоила собственная судьба.

А кого бы не беспокоила? Хозяйство у отца не сказать чтобы плохое, но и богатым не назовешь. Однако, как бы там ни было, лично Кару со всего этого ничего не обломится. Наследство получит старший брат. А сам Кар только шестой в этой очереди. Так что даже мечтать не о чем. В дружине барона, в общем-то, не так чтобы и плохо. Кормят, а иногда даже поят (если вы понимаете, о чем речь), обувают, одевают, но… вот всегда есть это самое «но». Одно дело ходить в караулы на стены замка или в патруль по охране порядка на улицах небольшого городка при том же замке, а совсем другое, когда твой сюзерен начинает бодаться с соседом, на предмет передела территорий. Так ведь легко и просто можно самому «Тару Всемогущему» душу отдать. Причем в буквальном смысле легко. Последнее время у молодого барона дружина сильно обновилась. Догадываетесь, почему? Вот то-то и оно.

Сам-то старый барон, если верить рассказам бати (а им как раз верить можно, так как родитель Кара когда-то имел честь состоять в дружине того самого

барона), тем еще затейником являлся. В буйной молодости тоже непоседливым был. Но к преклонному возрасту подуспокоился и последние пару десятилетий особо не выпендривался. Разве только если кто-то залетный нагрянет, проверить на гниль старика. Тогда да. И ополчение собирали, и сталью острой звенели. Но это мелочи. Да и было то всего два раза на памяти парня. В том смысле, что всего два раза случались серьезные набеги. Так-то частенько нет-нет да и заглянет какой супостат на «огонек». В этих случаях дружина сама справлялась. В общем, вполне спокойно жилось.

Но нынешний-то барон пока еще не нагулялся. Не утолил свои, так сказать, печали-амбиции. К тому же зело жаден оказался. В этом плане даже папахена переплюнул, а тот тоже весьма не обделен был этим качеством. Начал вьюнош «бледный» со взором горящим начал свою деятельность с того, что удвоил налоги. Тяжело стало, но до некоторых пор еще терпимо. Чуть подтянули пояса, да и продолжили жить дальше. Но это только поначалу. Потом и вовсе утроил эти самые налоги. Дружину-то к тому времени уже вдвое увеличил. А этих ребяток, в смысле дружинников, понятное дело, надо кормить чем-то, поить… и так далее. Вот и выходит, что путь в дружину самый что ни на есть единственный и не самый плохой в принципе. Правда, только в том случае, если выживешь в итоге. К слову сказать, родитель Кара именно через службу в дружине и получил свой надел. Так что вполне нормальный вариант, но… Да, да! Опять это самое «но» всплывает! Тут ведь вот какое дело – не возьмут Кара в дружину. Больно хлипок и болеет чаще, чем бывает здоровым. Он ведь даже короткий меч поднять не сможет, не говоря уже о тяжеленном щите или копье, или тем более все сразу, с доспехами в придачу. Кому такой воин нужен? Более того, такое чучело, как Кар, и собственному отцу-то без надобности. Чего уж там говорить?

Если б не мать… впрочем, что бы было без ее защиты, Кар даже представить не мог, вернее боялся. Одно точно – тяготил он свою собственную семью. Старшие-то братья вон! Все как на подбор, в отца. Молодцы-красавцы. Сестры тоже одна другой мясистей. За этих дурех хороший откуп дадут. Договора уже заключили, даже на самую младшую, хотя та еще от сиськи мамкиной не оторвалась. Один он ни рыба ни мясо, угораздило же в детстве переболеть болотной лихорадкой. Еле вытащил сельский травник из-за грани. Да только вот до некоторых пор у Кара имелись сомнения, стоило ли вообще это делать? Потому как такая жизнь даже самому была в тягость. Однако он не озлобился на весь мир, от такой незаслуженной и вопиющей несправедливости. Не зачерствел душой, оставаясь в принципе добрым человеком. Наверно, благодаря матери, которая из всех своих сил пыталась облегчить ему жизнь. Не всегда удачно, но хоть что-то. Уже

то неплохо, что хоть один человек на свете его по-настоящему любил. Не за что-то, а просто так, потому что он есть.

Кто-то мог бы спросить, а в чем тогда везение? Везение заключается в том, что случайным образом у Кара Зинус обнаружился дар. Магическая искра. А это уже совсем другой поворот. Одно дело, когда ты бесполезный, лишний рот в семье, которого окружающие должны обеспечивать и совсем другое, если ты МАГ. Тут ведь и повыше самого барона можно взлететь. Правда, Кар пока что не маг и даже не скоро им станет. Прежде чем его так начнут называть, пройдут многие годы, и то не факт, что из него выйдет что-то или кто-то путный. Может, и не получится овладеть этим искусством, такое тоже не редкость среди тех, кто имеет «искру», одно Кар ТОГДА знал точно, он будет стараться. Очень-очень будет стараться. И старался.

Что значит тогда и как вообще произошло то, что магический дар в принципе удалось обнаружить? ТОГДА потому, что с тех пор минуло уже шесть лет. А обнаружил дар проезжий маг (как потом выяснилось, целый ректор столичной академии магов). За каким хургом его понесло в Эльфячий ЛЕС, парень не знал. Понесло и понесло. Мало ли какие дела у мага в тех краях. Однако тот день стал самым счастливым в жизни Кара. К слову сказать, что в ЛЕС (именно так, заглавными буквами) вообще ходить не рекомендовалось. Если жить хочешь, конечно. Время от времени появлялись смельчаки, которым данная рекомендация была не указ, вот только нет их больше – сгинули. Все. И, в общем-то, нельзя сказать, чтобы с тех пор как они вошли в тот ЛЕС, их больше никто не видел. Нет, видели. Да только лучше б не видеть. Хотя еще лучше, чтобы они туда и не входили. Трупы смельчаков, обычно ровно через три дня, как по волшебству появлялись на окраине леса, подвешенные на ветках крайних деревьев и в таком состоянии, что от одного вида даже бывалых воинов выворачивало наизнанку. К тому же было похоже, что бедолаги и умирали-то не сразу, а постепенно. Такой вот волшебный ЛЕС. Ну его к хургу, такое счастье. Дичи и без того ЛЕСА хватает в округе. А вот тот маг не побоялся лезть туда и, более того, через седмицу вернулся обратно. Живой и здоровый.

Батя тогда вовремя подсуетился. Вернее, оказался в нужное время и в нужном месте. А если еще точнее, то проезжий господин маг сам выбрал двор, возле которого остановился, чтобы приобрести припасов в дорогу. Уж по каким там критериям он выбирал подворье, не известно. Скорее всего, вообще не выбирал, а остановился у самого крайнего. Двор действительно находился с краю села. С того самого краю, который, по счастью, оказался ближним к ЛЕСУ. Какой

выродок хурга дернул Кара в тот момент, когда братья с отцом таскали мешки в повозку заезжего мага, вывалиться из избы на улицу, он и сам не помнит. Помнит только тот смачный пинок, которым его наградил один из старших братьев, когда попался тому под ноги. Именно тот самый пинок и стал судьбоносным, так как именно он задал нужное направление полета, прямиком к ногам важного господина.

Поскуливая от боли (братец в пинок душу вложил), с разбитой о землю, по которой катился кубарем, рожей, как был на четвереньках, Кар попытался скрыться с места происшествия, уже буквально отбитой задницей предвкушая в скором времени последующий гнев отца, но важный господин быстро нагнулся и придержал его, цепко ухватив за плечо.

– А ну постой, малец. – Голос был звучный.

Батя только и мог скрежетать зубами от злости. Такое позорище перед людьми. Меж тем заезжий маг, крепко удерживая пытающегося вырваться изо всех своих не шибко могучих сил парнишку, присел перед ним на корточки и приложил к его груди ладонь свободной руки.

– Да не вертись ты! – рявкнул в какой-то момент. Видимо, дрыганья Кара ему мешали. Этот окрик так подействовал, как будто кто пыльным мешком из-за угла по башке отоварил. Малец застыл не двигаясь. Посидев так с минуту, маг встал и кивнул удовлетворенно каким-то своим мыслям. Вслух же сказал, а вернее спросил, обращаясь к отцу:

– Я так понимаю, вам этот парнишка тут лишний, верно? Сколько вы за него хотите?

– Пять золотых! – не сказал – выдохнул родитель.

Видимо, никак не ожидал такой удачи. И то верно. Мало того что удачно расторговался с заезжим господином, так еще и на выродке этом заработать. Выходит, не зря трудился поверх жены в свое время. Боялся он продешевить и переборщить одновременно с ценой за эту никчёмную тушку. Продешевить понятно, почему боялся. Раз господин хочет купить, значит, зачем-то понадобился ему этот… этот… в общем, это недоразумение, а вот если переборщишь, так вдруг еще передумает. Мать попыталась вступиться, почуяв

неладное, но получив жесткий тычок, не стала перечить мужу, украдкой вытирая края глаз передником.

– Идет, – ни секунды не медлил маг с решением, доставая из подвешенного к поясу кошеля требуемые деньги, – но продуктами в дорогу до столицы вы его обеспечите.

Батя вздохнул сокрушенно. Видимо, подумал, что продешевил все же, но согласно кивнул и пошел в амбар. Мать вскрикнула жалобно и заголосила раненой птицей, за что муж, проходя мимо, еще разок приложил, чтобы заткнулась. Она и заткнулась, закусив кулак, тихонько подвывая. Такой и запомнил ее Кар. Ведь видел он ее тогда в последний раз.

С той поры много воды утекло. Кар повзрослел, вырос, а самое главное, избавился от своей хвори. Как выяснилось впоследствии, деревенский травник так и не вылечил до конца ту злополучную болотную лихорадку, которая, «притаившись», продолжала потихоньку поедать изнутри. На тот момент оставалось жизни год, максимум два и все. Нет, он не стал богатырем, так и остался худосочным, но, по крайней мере, во-первых, болеть перестал на постоянной основе, как раньше, а во-вторых, худоба та превратилась в жилистость. В силачи, правда, тоже не выбился, зато выносливость заимел. А выносливость эта очень даже пригодилась.

Жизнь парня круто поменяла свое русло. Так оно и немудрено. Из окраинной, захолустной деревушки да в столицу. В услужение самому ректору и по совместительству декану кафедры артефакторики магической академии Иралию Флавскому. Поначалу Кар так трусил, что даже самому теперь стыдно. Ему казалось, что этот страшный маг его или сожрет, или превратит в жабу зеленую, жирную и пупырчатую. Почему именно в жабу? А хург его знает. Но почему-то именно в жабу больше всего не хотелось, хотя в кого-нибудь другого тоже не очень, однако в нее сильнее всего. В народе про этих магов чего только ни рассказывают. Порой такие страсти выдумывают, что диву даешься.

Нет, Иралий человечиной не питался, да и превращениями тоже не занимался. Он как ректор занимался организаторской деятельностью, а как декан преподавательской, по направлению, как уже было сказано, артефакторики. Кроме того, вел исследовательскую деятельность в области пространственных перемещений, собственно в этом он и был особенно силен. Все порталы, связывающие большинство городов, были именно его изобретением. Занятой

человек, короче. Умел он и сам перемещаться без всяких порталов. Вот только требовалось для этого так много личных запасов магической энергии, что делать это постоянно, дабы не сбивать обувь пешком, даже ему было накладно. Тут ведь какая зависимость, маг может быть хоть сколько искусным и много знающим, но его сила напрямую зависит от количества накопленной энергии. Чем больше маг может накопить, тем сильнее выйдет его заклинание и больше их подряд он сможет активировать. Объем личного хранилища имеет первостепенную важность. Это как с мешком репы. Чем больше мешок, тем больше в него помещается. Вот и выходит, что два одинаково обученных мага имеют не одинаковую силу. У одного просто маны больше. Маной называют магическую энергию, которая разлита в пространстве. А магами называют тех людей, которым повезло иметь предрасположенность к возможности оперирования этой субстанцией. В общем, запас маны Иралий мог накопить изрядный, даром что ли один из сильнейших магов государства, но тоже ведь не бесконечный. Собственно, и заклинания называются именно заклинаниями только потому, что маг голосом, вернее модуляцией, вибрациями, создаваемыми голосовыми связками, заставлял магическую энергию работать в нужном для него русле. Это целое искусство. До которого Кару как пешком до Онилы, что светит на небосводе ночами.

Но обо всем этом парень узнал много позже, а вначале все равно был страх. Мага он боялся даже сильнее тех эльфов, которых сам никогда до того не видел, зато много раз слышал от других и лицезрел их кровавые деяния. Впрочем, боялся не зря, но не того. В том смысле, что зря боялся того, о чем думал. Бояться следовало работы, которой, как выяснилось, было много, очень много, а потом стало еще больше.

Началось все с лечения. Прямо скажем, то еще получилось приключение. Сам Иралий целителем ни разу не был, а посему и вылечить собственноручно не мог. Основными профессорами в лечебной магии были, естественно, те самые эльфы. Есть и люди, понятное дело, но до эльфов все равно не дотягивают по уровню. А Иралий птица слишком высокого полета, и если уж обращаться к наемному специалисту, то только к лучшему. Таким вот образом Кар впервые воочию лицезрел настоящего эльфа живьем. Только на этом приключение не заканчивалось. Само лечение, процедура тоже та еще. Было больно в процессе. Так больно, причем изнутри, что памятные и регулярные братские побои за счастье показались.

Теперь-то Кар уже знает, что ничего в этом мире не происходит просто так. Маг-лекарь не просто водит руками над пациентом, как думают все поголовно в деревнях. Нет, на самом деле он в этот момент делает очень тяжелую и сложную работу. В конкретном случае болотной лихорадки он боролся с о-очень маленькими живыми созданиями, которых и подцепил парень в детстве на болоте. Эти твари настолько маленькие, что и увидеть-то нельзя. А еще Кар узнал, что и сам состоит из подобных тварей, как печка из множества обожженных глиняных кирпичей. Так вот маг-лекарь, если выражаться простым языком, понятным любому деревенщине, учит тварей, из которых состоит тело, бороться с тварями злыми и пришлыми. Маленькая такая, невидимая война происходит. После такого лечения можно больше не бояться болотной лихорадки. Даже если снова подцепишь, то тело как бы само уже знает, как с этим справиться. Вот, оказывается, как все непросто. А с виду сидит, молчит, рожи корчит, глаза закрыты, руками машет. И за такую с виду ерунду цену дерет такую, что ни одному селянину в голову не придет обращаться к подобному лекарю. Уж лучше по старинке, к травнику пойти, а там как Тар Всемогущий положит. Выздоровеешь – хорошо. Нет – ну не судьба. Земля тебе пухом, да поглубже, а то ведь магия везде есть, даже там, где магов нет. Закопаешь не сильно глубоко – и лови потом покойника. И это хорошо, если ты его ловишь, а то ведь наоборот гораздо чаще бывает. Нежить, она такая, вмиг схарчит за милую душу или что там у них вместо нее.

Кроме всего прочего, эльфячий маг еще и магические каналы правил своему пациенту. Вот тут и начались основные мучения. Лечение лихорадки тоже сопровождалось болезненными ощущениями, но те ни в какое сравнение не шли с тем, что пришлось прочувствовать далее. Матрас, на котором лежал пациент, так промок от пота, что казалось, столько влаги в этом тщедушном тельце просто быть не может. Оказалось – может. Тот матрас хоть выжимай было, так промок. А главное, не покричишь ведь даже. Нет, Кар, естественно, очень даже старался, но при этом продолжал молчать. Может, чудо-врачеватель не умел обезболивать процесс, а может, ему проще было рот заткнуть, чтобы крики не мешали.

Рот заткнуть, понятное дело, не в прямом смысле. Просто и хочешь заорать от боли, но не можешь.

Так если подумать, то возникает вопрос, а с чего бы Иралий вдруг воспылал к сельскому больному и практически умирающему парнишке? Кто он такой? Да никто, собственно. И вовсе даже не воспылал, и тем более не вдруг. Хотя

жалость все же была. В тот момент Иралий вспомнил себя. Он тоже когда-то оказался не нужным в семье, его тоже когда-то подобрал прохожий маг. Да и пять золотых, что он отдал отцу Кара, для него были не деньги. А вот преданный ученик, жизнью обязанный, был нужен. Можно было взять в ученики и богатого индивидуума, но от тех толку нет, кроме денег за индивидуальное обучение, а этот никогда не предаст и будет помнить своего благодетеля. Бывают и предатели, конечно, не без этого. Иралий Флавский давно живет на свете, да и ученики у него уже бывали, так что излишней доверчивостью не страдает, но, видимо, что-то увидел в затравленных глазах этого забитого собственной семьей паренька. К тому же будущему ученику и помощнику еще предстояло выжить в процессе лечения. Если преставится, ну так тому и быть. Никакого сожаления. Пять золотых, да еще триста за лечение специалисту… невелика потеря. А вот если выживет, тогда все эти деньги вернутся сторицей. Так что нет, не был бескорыстным Иралий. Совсем не был. Ведь по сути Кар стал его личным если не рабом, то закупом точно. Теоретически закуп имеет возможность отработать деньги, которые должен вернуть, но ведь только хозяин решает, отработал тот деньги или нет. А тут еще хлеще ситуация. Закуп, когда собой торгует, хоть договор составляет, на какую сумму продается. В случае парня и того не было. Да не очень-то и хотелось, если честно. Ведь учить взялся Иралий всерьез. Учил не только сам, а и в академию пристроил, чтобы не разжевывать простейшие вещи на начальном этапе, которые могут разжевать специальные преподаватели, коих в академии обреталось в избытке даже.

Кроме всего прочего, приходилось еще и работать вместо обычной прислуги. Стирать, готовить, убираться по дому, помогать хозяину в его изысканиях, чаще, правда, на должности принеси да подай, но тем не менее. А еще быть посыльным, носильщиком, следить за садом… да всего и не перечислишь. Ну и учеба, ее за кучей дел никто не отменял. Но вот что-что, а учиться Кар любил и очень старался. Поначалу было тяжко. Спать приходилось урывками, но тяга к знаниям давала стимул, тем более когда хоть и по мелочи, но кое-что стало-таки получаться. Это окрыляло. Хозяин был требовательным и суровым. За ослушание или за невыполненное задание наказывал очень строго, а если задание не просто не выполненное по причине нехватки времени, а все же выполнено, но с не надлежащим старанием или неправильно… короче, такие эксперименты лучше не делать. Ну их к хургу. Однако же и чересчур деспотичным наставник тоже не являлся. За хорошую работу и прилежание в учебе даже премировал бывало. То денег чутка на карманные расходы подкинет, то время для отдыха выделит. Правда, последнее очень уж редко. Чаще деньгами, но Кар не в обиде. К работе со временем притерпелся, втянулся, поймал ритм, и теперь она уже не казалась прям вот чрезмерной. Ну да, много работы, так что с того? Меньше

сиди, больше шурши, быстрее освободишься. Тем более что учеба напрямую от этого зависела. Одно другого ведь не отменяло. Не успел с работой? Наказание. Не успел с учебой? Наказание. Успевать должен везде: и там, и там. В конечном итоге такой напряженный график даром не пропал. Кар научился быть сосредоточенным в работе, собранным, внимательным к деталям. Что, впрочем, любому другому тоже никогда не помешает.

Сегодня особенный день. Учитель завершил последние приготовления, перед генеральными испытаниями или, правильнее будет сказать, перед генеральной проверкой своей теории. Он хочет пробить не просто пространство в пределах одного мира. Бери выше! Пробоем в другие миры попахивает. И если это случится, начнется новая эпоха, а сам Иралий Флавский станет непревзойденным мастером своего дела. Тут уже совсем другие привилегии и почести корячатся, да и денежный поток тоже заметно прибавится. Весьма и весьма заметно. Не говоря уже о славе. И ему, Кару, когда-то больному пареньку из захолустной деревеньки, тоже перепадет. Ведь он верный помощник, как ни крути.

В общем, парень был горд от причастности к такому эпохальному открытию. Шли последние приготовления перед дальней дорогой. Открытие-то открытием, расчеты расчетами, но вот ошибку тоже исключать нельзя. Поэтому для столь грандиозного эксперимента нужно убраться куда подальше. И это не только потому, что Иралий беспокоится об окружающих людях, хотя это как раз самое главное. Применение энергий в таких масштабах может всем так аукнуться, что мало никому не покажется. Однако же еще и потому, что гордость знаменитого ученого мага тоже не на помойке найдена. Ну как все пойдет наперекосяк и об этом узнают? Засмеют ведь, издеваться будут. Завистников-то хорошо если не больше, чем поклонников таланта ректора. Нет, лучше где-нибудь в отдалении. Если выйдет «пшик», то ничего страшного. Просто работа продолжится дальше, с учетом допущенных ошибок. Всего-то и делов. Так что да, чем дальше, тем лучше. Другое дело, что не придется пешедралом чапать. По такому случаю мастер решил явить ученику чудо. Открыть персональный портал, сразу на место. Это круто. Мало того что Кар наконец-то своими глазами увидит знаменитое мастерство учителя, так еще и местность, которую выбрал для эксперимента Иралий, сама по себе знаменита. Окраина великих пустошей, где в далекой древности гремела знаменитая битва Магов. Магов с большой буквы. Там и по сей день опасно, такое количество боевых энергий было выплеснуто древними могущественными чародеями. Увидеть эти легендарные места не каждому дано. А вот он увидит. И кто теперь скажет, что он не родился под счастливой звездой?

– Ты накопители взял?

– Да, учитель.

– Сколько?

– Десяток. Чтобы с запасом хватило.

– А держатели для них?

– Тоже взял. Вот тут, в этом тюке лежат.

– А…

– Учитель. Все взял. Все по вашему списку. Сто раз проверил. Таром Всемогущим клянусь. Так и вы уже пятый раз проверку устраиваете. Первый раз вы же сами, собственноручно все тюки проверили.

– Поговори мне тут, сопляк!

Брови учителя хмурились, но на самом деле он был в прекрасном расположении духа. Если уж на то пошло, то парень ни разу не видел, чтобы наставник, вообще, когда-либо улыбался в его присутствии. Своими эмоциями этот человек управлял мастерски. Так оно и понятно, если уж мастер, то мастер во всем. Однако Кар давно уже научился определять его настроение, по одному ему заметным признакам, так что совсем не боялся.

– Впрочем, ты прав. Пора двигаться. Значит так, Кар. Смотри и запоминай, потом расскажешь, что успел заметить в моих действиях. Но главное, как только портал откроется, не мешкай. Все тюки туда бросай и сразу же сам сигай. Времени будет мало. На той стороне смотри в оба. Место я выбрал безопасное, но около великих пустошей, в чем-то уверенным быть никогда нельзя. Если что, используй свиток абсолютной защиты, который я тебе дал, а там и я подтянусь. Запомнил?

– Да, учитель.

– Ну, тогда Тар Всемогущий нам в помощь. Я начинаю, следи.

Сам перенос прошел спокойно. Никто на Кара не напал. Потом было обустройство лагеря. Иралий любил комфорт, хотя при необходимости мог и без него обходиться. Сейчас такой необходимости не было. Далее обычные хлопоты, уже давно привычные. Приготовить еду, накормить. Натаскать воды, согреть. Помочь хозяину помыться. Да и самому ополоснуться. В общем, обязанности мало изменились, что в столице, что в походе, дела одни и те же. Ну и ежедневные магические тренировки, которых тоже никто не отменял, но они в радость, ведь учиться Кар, как уже было сказано, любил. Ни одной крупицы знаний не пропадало, хотя бы раз кем-то что-то рассказанное или показанное парень запоминал намертво. Плохо только, что он еще так мало знает. Однако дайте только время, мастер им еще гордиться будет. Правда, кроме всего прочего, сегодня еще жесткий опрос предстоит. Учитель ведь никогда и ничего не забывает. Если сказал, что спросит, значит спросит. Но это ерунда. Не в первый раз. Кар справится.

Наперекосяк все пошло на следующий день. Когда начался собственно эксперимент. Учитель сам все делал. Сам чертил схему на тщательно выровненной Каром поверхности выбранной площадки. Потом сам бурил не очень глубокие скважины и устанавливал в них держатели магических накопителей. Долго потом их равнял, тоже сам. Сам же и накопители в них устанавливал, которые так и светились ровным белым светом от переполнявшей их маны. Накопители светились, не держатели, понятное дело. Сам по специальной линейке делал канавки между держателями и потом засыпал туда не менее специальный порошок, который состоял из измельченных кристаллов накопителей, что делало этот невзрачный сыпучий материал дороже золота. Короче, все сам делал, не доверив эту работу ученику, дабы исключить ошибку. И даже потом все еще шло хорошо, эксперимент проходил по плану, ничего не предвещало беды, как вдруг…

– Кар, мальчик мой, слушай меня внимательно. Прямо сейчас бери мою сумку, где лежат записи по эксперименту и его разработке, а потом как можно быстрее беги отсюда.

Голос учителя был все так же спокоен, но как-то так это прозвучало, что парень вздрогнул и с недоумением посмотрел на хозяина.

– Учитель, я не поним…

– Кар, времени мало, с той стороны что-то начало подпитывать портал. Я теряю контроль.

– Но я…

– Не перебивай. Эксперимент удался. Я смог это сделать, но воздействие с той стороны оказалось неучтенным фактором. Запомни это. Сейчас ничего уже не исправить. Стоит мне бросить управление контуром, и случится такое, от чего и древние маги, что тут устроили тарарам, вздрогнут в своих могилах. Погибнем оба тогда. Однако ты сможешь, – говорил он все быстрее и быстрее, – когда-нибудь закончить начатое мной. Беги. У тебя есть свиток абсолютной защиты. Ты сам почувствуешь, когда его надо будет активировать. Держи под рукой. В академию не возвращайся, тебя без моей поддержки оттуда выпрут. Я сам пробился, и ты сможешь. Тем более в знаниях ты сейчас превосходишь меня тогдашнего.

Канавки, в которые был насыпан порошок, все сильнее начинали светиться.

– Учитель! Я не могу вас тут оставить!!!

– БЕГИ, ДУРАК! Моих сил ненадолго хватит! Не дай МОЕЙ РАБОТЕ ПОГИБНУТЬ!!!

Это было сказано ТАК, что Кара как ветром сдуло. Миг – и только клуб пыли остался, а сам он уже метрах в трехстах усердно шевелил булками. Так быстро парень еще никогда не бегал. Как будто сама смерть гналась за ним, наступая на пятки. В некотором смысле так оно и было. Сколько он так бежал, не известно никому, даже ему самому. Страх гнал вперед, заставляя птицей перемахивать всевозможные препятствия. Даже те, которые в спокойной обстановке никогда бы не смог перепрыгнуть. Откуда силы брались? Позади была смерть, впереди великие пустоши, которыми пугают и детей, и взрослых. Причем заслуженно. Но то, что происходило сзади, было куда страшнее. Где-то там, над человеком, стоявшим в центре ярко светящегося на земле рисунка, окруженного ослепительно сияющими стойками с кристаллами на них, разверзлось нечто темное и зловещее, и оттуда били толстенные молнии, постоянно меняя цвет плазмы. То ярко-голубые, то фиолетовые, то желтые, то красные, то зеленые. Били с оглушительным грохотом и без перерыва, но человек держался. Зрелище это было настолько красочным, что можно было бы и восхититься буйством цветов. Вот только красоту эту оценивать было некому. Кар улепетывал так, что

сверкающие пятки слились в один светящийся круг, а магу было не до красот. Он из последних сил старался дать шанс выжить мальчишке, чтобы работа всей жизни не пропала даром. Однако даже его силы были не бесконечны перед натиском стихии. Вот в изнеможении он упал на одно колено… попытался снова встать. И ему это почти удалось… но нет. Силы покинули могучего мага окончательно. Землю тряхнуло. Колыхание почвы, почувствовал и Кар, бегущий уже где-то далеко. Почувствовал и понял: ПОРА. Активировал свиток. А потом…

Глава 1

Тучи над городом уже недели две висели. Темные, тяжелые. Пугали, видимо. Вообще-то на побережье Приморского края, особенно у нас во Владивостоке, зимой погода лучше, чем летом. В том смысле, что солнце чаще видим. Летом обычно большей частью дожди и туманы, либо морось мерзкая может быть. Когда она идет, то и не поймешь толком, то ли это дождь такой мелкий, то ли туман крупный. Промозгло, в общем. Бархатный сезон начинается в лучшем случае к концу июля, а в худшем только в августе и продолжается аккурат по сентябрь включительно. В континентальной же части Приморья с летом все в порядке. Жара стоит такая, что хоть стой, хоть падай. Не хуже, чем в знаменитых Сочах. Ну, оно и неудивительно, мы же с ними, с Сочами в смысле, почти что на одной параллели обретаемся, вот только у них море теплое под боком, а у нас не очень и еще океан недалече. В этом и разница.

А так у нас тут не хуже, просто мы дальше, оттого и мало кто знает. Для большинства россиян, живущих ближе к Первопрестольной, Дальний Восток это так далеко, что практически на другой планете. Впрочем, так и есть. Мы тут как на луне живем, все доходит с большим опозданием. Правда, последнее время зачастили шишки из Москвы. Вон, мосты построили, инфраструктуру какую-то развивать хотят, а сколько бюджетных средств украли под это дело… Как по мне, так лучше бы все по-старому осталось. Спокойней было бы. Нет, мосты вещь отличная и на остров Русский теперь без проблем, не надо больше на пароме давиться. А по второму мосту, через бухту Золотой Рог, из с центра города на Чуркин, за пару минут можно добраться. Но вот ведь беда, на Русском природы-то не останется. Теперь как лето, там не протолкнуться. Все прут, а после себя горы мусора оставляют. Вот к чему оно? Хорошо еще, что мы от центральных областей страны далековато, а то бы хлынул к нам такой поток… не, ну его к лешему, бешеные цены на авиабилеты нам в помощь. Пусть и дальше думают,

что у нас тут вечная мерзлота, медведи белые вместо собак в будках сидят и моржи по льду скачут. А чтобы наверняка, тьфу, тьфу, тьфу через левое плечо и постучу по лбу, за неимением деревяшки под рукой. Он, лоб в смысле, все равно дубовый, так что вполне подойдет для этой цели.

На континенте приморском и зимы другие, морозные, снежные. Все как положено. Наши, то есть владивостокские, строго наоборот, не сильно холодные и не очень снежные. Так-то со слов вроде и не сильно плохо выходит, но не забывайте про влажность. Побережье же. При нашей влажности мороз в минус десять градусов так до костей пробирает, да если еще и с ветром, то иной сорокаградусный нервно курит в сторонке. А если за двадцать даванет, то совсем хреново. Но мы привычные. Вот со снегом беда. Причем что с ним беда, что без него. Бывает, что и в Новый год его нема. А какой Новый год без снега? Нет, понятное дело, раз на раз не приходится. Порой и нас ту засыпает, все же не Африка, вот тогда и начинается веселье.

Когда-то в махровой древности, еще при динозаврах, тут стояли серьезные горы. Теперь, правда, только сопки от тех гор остались. Но нам-то от этого не легче, учитывая, как наши доблестные дорожники убирают снег в городе, езда по сопкам становится экстремальной. Либо не въедешь на нее по толстой корке льда, либо если съезжаешь, то уже до упора. В том смысле, пока во что-нибудь, не упрешься или в кого-нибудь. Как повезет. Впрочем, скорее всего, регион не важен. Дорожные службы у нас по всей стране раскайфованные, так что нет смысла распространяться. К чему я про погоду? Так сами должны понимать. Осадки зимой, на местности, состоящей из подъемов и спусков, это анонс больших приключений для автолюбителей.

В общем, дальнейшие события оказались ярче, чем самые буйные фантазии. Ну да, зима, ну да, снег ждали, но гроза тут каким боком? Мы хоть и на побережье живем, но гроза с тропическим ливнем в середине декабря это даже для владивостокского климата перебор. Нет, точно там, наверху, в небесной канцелярии, какой-то разгильдяй не на ту кнопку нажал. И там, блин, бардак. Чего уж тогда говорить о нас смертных? Смотрю на эту вакханалию через лобовое стекло и глазам не верю. Тьфу, тьфу, тьфу, чур меня, снова типа плюю через левое плече и снова стучу по лбу за неимением деревяшки.

– Ты чего, мужик?

– А? – Блин. Задумался. Загляделся на такую красотищу. Забыл, где нахожусь, совсем. Хотя… думаю, любой бы на моем месте забыл все на свете, если бы такое увидел. Представьте себе ночь. Представили? А теперь представьте, что ночь зимняя. Пока ничего необычного? Ладно. Тогда представьте, что на улице стоит колотун в минус двадцать. Что? Скажете, что зима, мол, как же иначе? А то, что с неба вместо снега льет проливной дождь? Вот только не надо мне заливать про потепление! Ладно? Этой байдой нас с ящика уже давно кормят. Ключевое слово тут МИНУС ДВАДЦАТЬ КОЛОТУН! Кто вам сказал, что так не бывает? Да сам знаю, что дожди зимой не редкость. Но все вместе… да ну на фиг.

Оно ведь как, прежде чем зимой дождь пойдет, обычно резко теплеет, а тут-то нет. Физика, она такая физика, при минусовой температуре вода должна застывать, особенно в полете. Ведь тогда испарение идет интенсивнее, а значит, охлаждение еще и этим усугубляется. То есть если вода падает с неба при такой температуре, то она просто обязана застывать, превращаясь в снег. Однако вот… Сидим, любуемся, и происходящее на мираж совсем не похоже. От миража не намокнешь. Проняло, да? Так это еще не все. Видели когда-нибудь молнию? А чтобы подряд, без перерыва, одна за другой и при этом каждая следующая другого цвета? Снова скажете, так не бывает? Сам бы не поверил, если бы не натуральная дискотека, бушующая над городом вот уже минут пятнадцать. Да только и это еще не всё. Молнии лупят неправильно. Заворачиваются хитро так дугой и гвоздят без роздыху в одну конкретную точку неба. Даже шерсть дыбом на загривке встает, как только представлю, сколько там сейчас гигаватт беснуется. Вот бы эту стихию да в плуг запрячь. Перепахали бы всю землю, вместе с Гималаями всякими и прочими пиками, горами и сопками, даже не заметив препятствий.

Ерзаю. Стараюсь получше устроиться на неудобном сиденье УАЗа. Слева и справа что-то хрюкнуло. Недоуменно смотрю, кто там так хрипит. Вот же блин, это же мои конвоиры. Тесно им со мною тут. Вон тот, что слева, уже глазенки закатывать начал. Видимо, сильно прижал бедолагу. Даже автомат выронил от нехватки кислорода. Правый вроде еще дышит, но похоже, тоже на ладан. Эдак не довезут они меня до отдела. Или это я их не довезу? А с другой стороны, это их проблемы.

– Да не вертись ты, кабан стероидный, – ругается водитель, седоусый дядька в звании старшего сержанта. – Парням уже дышать нечем.

– Это проблемы твоих парней, сержант, – делюсь мудростью с ним. – Я же не сам к вам в тачку полез. Вы же и запихивали.

– Так нечего было шляться пьяным, – возражает он, – вот бы и не тронули.

– Так пьяный пьяному рознь. – Я демонстративно откидываюсь на спинку сиденья, от чего та жалобно застонала и в ней что-то хрустнуло. – Я что, хулиганства хулиганил или беспорядки нарушал? – продолжаю, так сказать, дискуссию.

– А почто без документов был? Да осторожнее, мля!!! Ты же мне казенную машину ломаешь!!!

– Так отпустите, я и пойду домой, – демонстрирую Капитана Очевидность в своем лице. – А без документов был, потому что в магазин за закуской вышел. Вы же меня возле гаража приняли. Можно подумать, ты, сержант, сам никогда не пил и во время пьянки закуска ни разу не заканчивалась. Так вот скажи мне, на хрена в магазине документы? Колбасу и без паспорта дают.

– У нас обычно наоборот выходит, – вздыхает тот. – Чаще спиртное заканчивается. Но тебе верю, вон какое пузо нажрал и жопа размером с мой «уазик».

– А ты завидуй молча. – Делаю вид, что его замечание меня не задевает. Хотя тут он прав и про пузо, и про жопу. Совсем запустил я себя. При моем-то росте, в два ноль пять, и так живого весу под сотню, а еще и лишнего наел за последние годы. Неудивительно, что спинка ломается. Она ведь на таких «монстров», как я, не рассчитана. Однако не для кого мне нынче фигуру блюсти. Семьи более нет. Вернее, она-то есть, вот только это больше не моя семья. Эх, да что там говорить, неудачник я. Вот как есть неудачник. Была любимая женщина. Мной любимая, потому что сама она, похоже, не любила вовсе. Красивая была, яркая. Хотя почему же была, и ныне здравствует. Цветет, так сказать, и пахнет для другого. Пришел очередной раз из рейса, с чемоданами подарков, а меня встретила закрытая дверь и новые замки. Правда, потом чемоданы с подарками забрали, там же для дочери и для нее тряпки были. Мне-то они к чему? А вместо подарков чемодан с моими вещами выставили за порог, посоветовав больше тут не появляться. Вообще-то квартира та моя. В наследство от родителей осталась, вместе с гаражом отцовским. А наследство по закону не делится. Но я не стал

бодаться. Переписал квартиру на дочь, с условием, что распоряжаться недвижимостью она сможет только по достижению совершеннолетия. А до того момента без моего ведома никаких операций с жилплощадью. Так что если и собиралась бывшая жена отжать у меня хату, то сильно обломалась. Но вот для Иришки мне ничего не жалко. Она такая… такая… ух какая. Ангел. За одну улыбку ее готов все отдать. При этом хорошая, добрая, отзывчивая девочка растет. Умная и красивая. Ну, все один к одному. Зато мама ее, Люба, Любочка, Любовь, совсем не соответствует своему имени.

Откуда в ней столько ненависти ко мне? Ведь не обижал никогда, не то что руку поднять, пальцем не трогал, по чужим бабам не бегал, все в дом тащил. Они же у меня ни в чем отказа не ведали. Мне же разве много надо? Да ни хрена мне не надо. Я же для них работал! Шматье, модную мебель, евроремонт, автомобиль. Надо? На. Новое надо? Нет проблем. Все для них. А взамен… ненависть? За ЧТО? Может, за то, что столько времени на меня потратила? Жить с нелюбимым это, наверно, мука. Понимаю. Но ведь разве силком замуж тащил? Ну ладно, допустим, бывает. Не разобралась сразу, так что же так долго терпела? Дочь родила. Зачем? Почему? Я, наверное, дурак или, может, тут работает та пресловутая женская логика? Никогда не пойму. Однако как бы там ни было, ненавидеть-то зачем?

И ладно бы только сама ненавидела. Ну, есть у тебя желание кого-то ненавидеть, так почему бы и не бывшего мужа? Самый тот кандидат, которого знает как облупленного. Это я бы еще понял. А дочь зачем настраивать? И ведь любит Люба дочь. Всем сердцем любит. Я точно это знаю. Тогда почему старается привить собственному ребенку неприязнь к родному отцу? Тоже из любви к ней? Или тупо в угоду своей ненависти? Дурдом на выезде какой-то. Запретила нам встречаться. Стал тайком ходить в садик, чтобы хоть словечком с ребенком перекинуться. Потом в школу бегал, чтобы хоть увидеть. Как вор, ей-богу. А как иначе? Ведь это МОЙ ребенок. Уж и не знаю, чего там мама ей в уши дула, но в один прекрасный момент, в пятом классе когда уже училась, дочь мне сказала, чтобы я больше не приходил. Что у нее есть папа и он живет с мамой. А двух пап не бывает. Вот тогда-то меня как срубило. За что? За что они так со мной? Я ведь до сих пор каждый ее день рождения отмечаю. Открытки подписываю. Не важно, что они так и остаются у меня. Чтобы желания сбылись, не обязательно адресату знать о них. Это ведь мои пожелания для нее. Для доченьки. Люблю ее больше жизни.

И потекла горькая струей в глотку. До этого ведь почти и не пил. Только по праздникам, да с мужиками в гараже изредка, стопку-другую опрокидывал, чтоб уважить. До зеленых соплей заливал горе. Сильно переживал. На нервной почве главное мужское достоинство дало сбой. Узнал об этом случайно, когда решил рядом с другой женщиной душой отогреться. А там облом. Стыдоба. Женщины, они ведь тоже люди. Платоническую любовь уважают, конечно, но без плотской звереют. Им такая любовь и даром не надо. Что же тут удивительного? Испугался. Кинулся по врачам. Те плечами пожимают. Анализы, мол, в порядке, все хорошо. Вам типа к психологу, уважаемый.

Да не вопрос. К нему так к нему. Ага, хрен угадали. Там по записи, да на месяц вперед. Ладно. Записался, дождался. Ценник такой выставили, что оторопь взяла. Ну ладно, думаю, может, так и надо, деньги – пыль. Сижу, слушаю. Он какие-то вопросы дурацкие задает. Несет какую-то ахинею. И это вот, мля, все лечение? Сорвался я тогда. Каюсь. Свернул те деньги в жесткую трубочку да в задницу ему и запихнул. Ну… почти запихнул. Помешали. Охраны набежало, вязать начали. Ну, щаз-з. Врагу не сдается наш гордый… э-э-э… моряк!!! Разошелся тогда не на шутку, не один нос набок свернул. Минут пятнадцать отмахивался, удерживая позицию, пока этот психолог, зараза, со спины не подкрался и электрошокер мне не засандалил. Чуть пониже спины. У-у-у, паскуда. Грянулся я о палубу. А тут и охрана очухалась.

Ох, оторвались они на мне за свой позор. Толпой же кабинет штурмовали, сколько их там было, не считал. Но рыл пять-семь точно. Рожа моя тогда была больше на сырую котлету похожа. Думал, упекут в места не столь отдаленные. Однако инцидент по-тихому сошел с рук. Видимо, я за дело там воевал и у того психолога рыльце по локоть в пушку было.

В общем, к психологам я более не ходил от греха подальше. А потом и просто болячки полезли, как грибы после дождя. Говорят, все болезни от нервов. Правы, наверно. Иначе откуда столько? Ведь здоров был как бык – и на тебе. Да болячки все больше мерзкие, мужские и скрытые. С виду рожа такая, за неделю не обгадишь, а копни глубже, нутро сплошь гнилое. Не в плане души, в плане здоровья. Семьи нет, здоровья нет, да что там говорить, выяснилось, что за свою жизнь я и друзей-то не нажил. Нет, я всегда считал, что они есть, а оказалось, то были всего лишь приятели-собутыльники. Есть деньги – они есть, нет – нет. Вот и кто я после всего этого? Лох? Он самый и есть. Или даже, как сейчас модно выражаться в среде «чипсоедов» – ЛУЗЕР. Старый, жирный лузер. Сдулся я, короче. Точнее и не скажешь. Махнул на все рукой. Гараж это все, что осталось

от прошлой жизни, и единственное жилье. Место есть, машина-то в нем больше не живет. Ее я продал. А к чему она мне? Куда мне на ней? Такие вот дела. Занимаюсь мелкими ремонтами в гараже, с того и подъедаюсь. Мне хватает. И ведь живу, никого не трогаю. А тут на тебе, менты! Или понты? Они же нынче все полицаи как один. Никогда в жизни меня еще ПэПээСы не принимали. А за что? Я ведь по жизни совсем не агрессивный. Если только доведет кто. Но такое редко случается, при моем-то росте.

Даже в армии, куда я загремел из мореходки, меня не трогали, после первого раза. Отметелил там гопку из старослужащих, которая всю роту терроризировала, и все закончилось. Собственно и в армейку попал благодаря драке. Вернее спорту. В юности увлекся боксом. Звезд с неба не хватал. Тренер говорил, что нет во мне спортивной злости. Так верно. Нет ее. Злость нужно разбудить. А если тебя не злят, откуда ей взяться? Короче, я больше как спарринг-партнер был, чем боксер. Здоровья во мне немерено было, колоти живую грушу сколько влезет. А мне что, форму держу, так-то я от природы к полноте склонность имею, а тут все под контролем.

Однако чемпион наш, которого на какие-то областные соревнования готовили (так сказать, подающая надежды будущая звезда), с какого-то перепугу решил, что он уже имеет право не следить за своим, как он считает, острым языком. Особенно за срывающимся с того поганого языка «искрометным» юмором. Так ведь и я не против шутки юмора шутковать, ну и не рассчитал манень-ко. Того в больницу, меня на нары. Тренер тогда только посоветовал, что мне бы завязать со спортом, потому как мою спортивную злость лучше вообще не будить.

От тюрьмы спас отцов товарищ, который военкомом служил. Пристроил меня по-быстрому в стройбат. Два года, от звонка до звонка. Строить, правда, так ничего и не научился, разве только ямы копать. Вот это я могу. Тут я профессор. Дайте только БСЛ в руки. Что такое БСЛ? Большая Саперная Лопата, в простонародье штыковая. Сей строительный прибор я изучил в совершенстве. Потом восстановился в мореходке, доучился, в моря ходил, до второго механика дослужился… барахло с японовки таскал, тачки, потом женился по любви… моей и… всё. Вот он я. БОМЖ загранзаплыва. Кто-то скажет, мол, сломался мужик. И, наверное, прав будет. Сломался. Сорок шесть, полтинник не за горами. Жизнь уже прошла свой апогей, впереди ничего, кроме перигея. С чистого листа не начнешь – поздновато.

А свистопляска природная продолжала являть чудеса, даже не думая прекращаться. Льет, сверкает, гремит и морозит. На улицу не выйдешь. Стоим в пробке. В нашем районе их сроду не было, но в такую погоду автомобильные заторы образовываются даже там, где их быть в принципе не может.

– Не могу больше, – хрипит где-то подмышкой у меня справа горе-конвоир. – Этот жирдяй меня раздавит. – С этими словами открывает дверь и вываливается под проливные струи.

Дурачок. Мороз-то никуда не делся. И вода, льющаяся с неба, не перестала быть мокрой. Это они между собой нынче чего-то в воздухе взаимодействовать не хотят, а по отдельности работают, как положено. То есть мороз морозит, а вода мочит. Если человек будет мокрым на морозе, что с ним будет? Отгадайте с трех раз. Это же дураку понятно должно быть. Корка льда на асфальте не появляется до сих пор только потому, что воды много и она течет, так как ливневка не справляется. А крыши автомобилей уже давно льдом покрылись. Только стекла пока не замерзают за счет работающих автопечек.

– Смирнов, а ну давай назад!!! – орет сержант водитель. – Сдурел, что ли?

Но тот уже и сам понял, какую глупость сморозил, в прямом смысле этого слова, судорожно пытаясь втиснуться в салон. А тут я сижу, и найти место рядом со мной весьма сложно. Наконец, у него получается. Видимо, выдохнул все, что было, по максимуму, дабы сплющиться. Иначе никак. Мокрый, зубы клацают, выбивая рваный ритм, глаза дурные.

– Лллл-луддд-шшшеее бы в ообббб-безззз-зьянн-никк, его, – еле выдавливает болезный.

– Та не влезет этот слон в обезьянник, да и к тому же там замок сломан. Заклинил. Ремонтировать надо.

– Так отремонтировал бы уже давно, – раздается сдавленный голос из-под левой подмышки.

О, второй очухался. Заглядываю туда. Господи святы. Синенький-то какой. В детстве, помню, куры в магазине, которых за глаза называли «синими птицами», выглядели более живыми, чем этот задохлик.

– А ты чего в милицию-то пошел, клоп? – спрашиваю это хрипящее чудо. – Тут здоровье надо иметь, а ты метр с кепкой. Девки в школе обижали, да?

Да нет. Это я не над нашей доблестной милицией… тьфу ты, полицией издеваюсь. Это вот конкретно над этим недомерком. Больше всех беленился, как моська на слона напрыгивал. Собственно, благодаря этому чмошнику я и сижу тут, посреди улицы и природной вакханалии, а не в сухом, теплом гараже, с бутылочкой коньяку. Хорошего коньяку. Дорогого. Мне его клиент подогнал. У него на «сафаре» топливная аппаратура гавкнула. Дизель, он такой дизель. Особенно если этот дизель импортный. Не любит он, когда хорошую солярку ослиной мочой разбавляют. Вот и поломался. Дымит и не едет. В сервисе такую сумму насчитали, что даже богатый бизнесмен послал их подальше. Он не столько денег пожалел, сколько поразился отсутствию совести у автосервисных работников. Уж и не знаю, кто ему меня насоветовал. Два дня возился с лупой и цангами, восстанавливая распылители форсунок. Это судовые форсунки на главном двигателе, с артиллерийский снаряд размером, а сам распылитель с кулак. Здесь-то автомобильный вариант. Чтобы увидеть, как прибивается поясок на игле, лупа нужна, да хорошая. А еще бывают форсунки неразборные. Так те только менять, но тут «сафарь» старый. Под внедорожные покатушки специально тюнинговался. Тогда джапы еще на совесть строили. Потому машины тех лет почти что перпетуум-мобиле. В смысле вечные. Два дня убил на эту тачку. Мужик уехал довольный, сияющий как медный и начищенный самовар. Денег отвалил некисло да пузырь подогнал. Говорит, вез в подарок другу, но за такую работу не жалко, а друг, мол, поймет. Ну и вот, он там, в смысле пузырь, а я тут. Ну, зло берет.

– Да я…. Хрррр.

– Да что ты? – усмехаюсь. – Чмо ты и больше ничего.

Под мышкой слышится щелчок предохранителя «ксюхи». Таки нашарил оброненный автомат.

– Я тебе, Долбин, ща как стрельну, – ярится сержант. Видимо, тоже услышал характерный звяк. – Так стрельну, ни один, мля, хирург твое табельное оружие из твоей же задницы не вырежет. – И далее уже мне: – А ты чего его заводишь?

– Так он, похоже, сам у вас как хорошая тачка, с пол-оборота заводится. И заводить не надо. Шел, никого не трогал. Чего пристали? Да еще стволами тыкали?

– Тебя как звать-то? – спрашивает вдруг.

– Вольнов моё фамилиё называется. Сергей Петрович. Можно просто Серега или Петрович, мне фиолетово, – отвечаю. Мне скрывать нечего, потому как я не вор и не убивец, и даже не алиментщик какой. За деньгами «бывшая» ходить не забывает. Носик морщит, воняет ей, видите ли, а деньги берет. Видимо, и вправду не пахнут.

– Да понимаешь, Петрович, – как-то даже виновато смотрит сержант через зеркало заднего вида, вроде оправдывается, хотя и не должен, – зека на рывок ушел. Рецидивист. Прямо из автокаталажки дернуть умудрился. Его после суда на тюрьму везли. Почти довезли. На Партизанском проспекте свалил. Вот всех и подняли в ружье. Так-то я сегодня выходной должен был гулять. По всем районам шаримся.

– И что? Я на него похож? Рост, комплекция, возраст?

– Нет.

– Ну, тогда какого хрена, мужики? – Удивленно смотрю на сержанта, так как конвоиров подо мной не видно. Они где-то там, в недрах моих подмышек сипят.

– Вот же встряли, – сокрушается сержант, имея в виду погоду и мою тушу. – Еще этот истерик. Ну, вот на кой я тебя послушал, долбо… бин? Когда уже Синицын с больничного выйдет? Чтобы от тебя наконец избавиться. Ты же ходячая неприятность. От тебя, Долбин, одни проблемы. Вот как навязали тебя в экипаж, так и огребаем. – Под левой мышкой злобное сопение, а сержант, походу, порядочный мент, еще из тех, старорежимных.

– Мужики, – говорю, – может, разойдемся краями? Я вас не видел, вы меня. А? Ну, в самом деле, липа ведь, для галочки. Завтра и выпустят. Ну не завтра, так через пятнадцать суток. Мне, собственно, по фигу. Брать с меня нечего. На кой я вам?

– Да ты пойми, мил человек, – сержант поворачивается ко мне, – не можем мы тебя отпустить. Эта паскуда Долбин первым делом за радиостанцию схватилась. В отделе уже знают, что везем тебя. Бумаги пишут и все такое. Они там уже в предвкушении пару висяков повесить, извини за тавтологию. И ту мы приедем без тебя. Без обид, мужик. Ничего личного. Но мне до пенсии полгода осталось. До второй пенсии. Первую-то я давно заслужил, но там деньги смешные. А у меня уже внуки есть. Сам посуди, кто ты мне. Вон того говнюка вини. Но отпустить не могу. Сам же и получу по шапке.

Услышав про говнюка, слева снова завозился недомерок.

– Да не вошкайся ты. – В сердцах наваливаюсь на гада. Хрипит. Автомат снова падает между сидений.

– Только не задави его там… – начинает говорить сержант.

И тут случилось ЭТО.

Что ЭТО? Да хрен его знает. Тряхнуло. Сначала не сильно. Только машина скрипнула рессорами, чуть качнувшись. Потом сильнее. Еще сильнее. А далее началось сущее безобразие. Трясучку даже, наверно, в баллах не подсчитаешь. Как будто кто-то огромный пытался вырвать кусок материка вместе с частью города, да никак не получалось, но этот кто-то продолжал свои потуги, увеличивая прикладываемое усилие. Потухли раскачивающиеся, как в замысловатом танце, уличные фонари, сверкнуло яркой россыпью искр от оборванного где-то выше машины кабеля, теперь только свет фар стоящих в пробке машин продолжал освещать окрестности. Начали рушиться соседние дома, осколки бетона полетели во все стороны. Отовсюду заголосили. Из машин полезли люди. Прямо под дождь и на мороз.

– Землетрясение, мля!!! – заорал конвоир справа из-под мышки.

– Из машины, – скомандовал водитель.

Миг – и я остался один, только сиротливо лежащая под ногами «ксюха» скрашивала мое одиночество. Этот недовоин с перепугу и табельное оружие забыл. Почему сам не выскочил? Ну, во-первых, а что бы изменилось? На середине проезжей части и есть самое безопасное место во время

землетрясения, когда с обеих сторон сыплются дома. А во-вторых, не мог я. Одна рука была пристегнута наручниками к переднему пассажирскому сиденью. Доблестная милиция, которая нынче полиция и которая, как водится, меня бережет, порскнула спасать свои жизни, забыв про мою. Однако долго горевать об утраченной «теплой» компании мне не пришлось. Случился последний рывок земной тверди, да такой, что УАЗ сдвинулся в сторону, придавив пробегавшего мимо какого-то мужика в кожаной куртке к машине, что стояла на встречной полосе в своей, встречной пробке. Мужик вскрикнул и затих. Водительская и задняя двери захлопнулись за счет придавившего их транспорта, а задняя правая дверь сама по себе от толчка встала на место.

«Ну, хоть не замерзну», – успел я подумать, и вдруг потемнело в глазах. Резануло болью. Сильно резануло, изнутри. Как будто не тело болело, а душу выжигало.

Дальше ощущения только увеличивались. Болевые, понятное дело. Даже кричать сил не было. Казалось, вместе с душой кровь закипает и кожа волдырями покрывается. Глаза были закрыты… наверное. А может, это я просто от боли зрение потерял. Однако в кромешной тьме не оказался. Окружающее пространство вдруг окрасилось яркими красками. Когда говорю про «окружающее пространство», я имею в виду не улицы с обрушенными домами, не брошенные автомобили. Этого всего не видел. Видел безбрежное пространство, залитое бездной красок. Осознавал ли я себя в тот момент? Скорее нет, чем да. Боль вышибла понятие сознания, на какой-то другой уровень. Себя в этом бушующем океане красок я тоже видел, но как бы со стороны. Какой-то ярко-алый пульсирующий комок, в который вонзались ослепительно-белые потоки. И вот то, что именно эти потоки мне вредны, я понимал отчетливо. Как? Спросите что полегче. Кстати сказать, людей, которые находились поблизости, я тоже видел подобными же светящимися комками, вот только не до них мне было.

Знал я и то, что умираю. Вернее, не столько знал, сколько догадывался. В другой ситуации я бы и дергаться не стал. Особой тяги к жизни давно не испытывал. Зачем жить? Но вот от неизвестности помирать как-то резко расхотелось. Надо было что-то делать. Да ни хрена я не понимал. Отстаньте. Не понимал, что и как надо. Тыкался бездумно. Чем тыкался? Да вот не тем, о чем вы подумали. Так прямо и не скажу. Скорее, представлял зрительно, что я что-то делаю. Так сказать, виртуально, применительно к собственному сознанию. Я пытался взаимодействовать с этим непонятным потоком, который вливался в мой

слепок… (слово аура как-то само вспомнилось). Так вот эти потоки входили в мой прямо пламенеющий продолговатый слепок ауры. С одной стороны входили дружно и упорядоченно, сплетаясь в единый светящийся жгут, а с другой вылетали, но уже хаотично, то есть как попало. Почему-то подумалось, что именно этот хаос каким-то образом и вредит, а значит, нужно его упорядочить.

Долго ничего не получалось. Эти непонятные жгуты не поддавались. Вернее, я не мог с ними взаимодействовать. Меня жгло все сильнее. Время утекало. Но там, в этом океане, я был песчинкой. А океану до песчинки, как бронепоезду до застрявшей на путях малолитражки.

Разозлился. Понятное дело, на себя. На вечность злиться смысла нет. Уж и не знаю, что произошло далее. Может, именно злости не хватало, спортивной, мля, только один поток из многих вдруг дрогнул. Тогда я представил, как он не входит в мой слепок, а плавно огибает его по поверхности и струится дальше. Удивительно, но это сработало. Дальше – проще. Наработался кое-какой опыт. Иногда, когда я торопился и не мог удержать четкую картинку желаемого, потоки вырывались. Тогда я заставил действовать себя спокойно и сосредоточенно. Так увлекся, что даже боль, терзающая тело и душу, отошла на второй план. Когда я управился, ауры больше видно не было, этому мешало сияние многих потоков, проходивших по ее поверхности. Я сам как бы превратился в сияющий сгусток. Или находился внутри этой удивительной сияющей клетки. Как попугай, блин. Правильно ли я сделал? Так мне-то откуда это знать? Правильно, не правильно. Какая разница? Делал то, что получалось, вот и все. Одуряющая боль пропала. Вот что главное. Потом как-то я просто отключился и более ничего не помню.

Глава 2

Сколько времени прошло, прежде чем я очнулся, не знаю. Да и нельзя это так назвать. Все как в тумане было. Помню какими-то фрагментами и смутно. Помню, как ломал спинку сиденья, к которой был пристегнут. Кровь текла из разодранной «браслетом» руки. Помню, как шел в гору наобум, ничего не видя перед собой, автоматически выдерживая направление к родному гаражу, благо не так чтобы далеко отъехали. Как дошел, уже и не вспомнить. Даже окружающий антураж не запечатлелся в памяти. Говорю же, как в тумане все

было. По-настоящему очнулся уже в родном гараже, на не менее родном, стареньком, продавленном моей же тушей диванчике.

Почему-то с «ксюхой» в обнимку. Надо же. Даже в таком полуживом состоянии не смог оставить бесхозной хорошую вещь. Это да. Хомяк у меня в душе знатный живет. Все, что касается железа или механизмов каких, он не пропускает.

Ну не могу я смотреть, как в куче металлолома умирает сданный туда за денежку малую, например, сверлильный станок или электродвигатель какой. Да чего только нынче люди не выбрасывают! Мне прямо слышится, как механизм зовет на помощь. Он не хочет умирать. Он хочет работать, верой и правдой служить людям, а его за это на помойку! Да разве же можно так? У меня вся мастерская в гараже собрана из металлолома. Например, небольшой токарный станок, фрезерный тоже со свалки, маленький, простенький, но почти новый. Мне даже восстанавливать, как токарный, его не пришлось. Видимо, где-то валялся на складе без надобности, его сначала на улицу выставили, чтобы не мешал, а потом, когда он ржой покрылся до неузнаваемости, его сдали вторчерметовцам. А я уже у них за пять штукарей его выкупил. Интересно, за сколько его сдали? Просто после того, как я его привел в рабочее состояние и покрасил, мне за него предлагали почти сто тысяч. Сверлилка тоже оттуда. Из магазина только сварка-полуавтомат да плазморез. Горн для нагрева металла я из старого газового баллона сделал, подключил к нему газ и вуаля, почти до двух тысяч градусов нагревает. Да тот же отрезной станок из металлолома и старой болгарки слепил. Ни копейки за это не отвалил. А сколько инструмента разного выбрасывают? Не понимаю людей.

Благороднее и благодарнее материала на свете, по моему мнению, и нет, разве только дерево, но оно скорее на равных будет. Когда смотришь, как из заготовки ржавой, что надыбал на свалке, выходит красивая и функциональная деталь, которая кому-то будет служить долго и честно, сердце поет. Чувствую себя в такие моменты папой Карло, ей-богу. Да тот же мотор когда чинишь, который или вообще не работал, или работал через пень-колоду, а после урчит как сытый кот, это же песня. За что так с металлом? Так что я не особо удивился, когда увидел, что на пузе у меня лежит автомат. Теплый такой. Пригрелся и молчит, ждет своего часа. Я тогда еще подумал, что надо будет отнести его в отдел. Долбин этот хоть и дерьмо человек, но закон есть закон. Да и мне сей агрегат смертоносный без надобности.

Попытался встать. Резануло болью. Почувствовал, как что-то лопнуло на коже спины и потекло. В гараже было темно хоть глаз коли. Так что мои предыдущие слова, что я увидел автомат, делите на два. Я его скорее на ощупь определил. Блин, ничего не помню. Как дошел? Как открывал гараж, и уж тем более как закрывал… обрезало. Снова попытался встать. Опять что-то лопнуло и опять потекло. Да что же такое со мной? Еще пузо это сверху давит, как надгробие. Блин, самочувствие такое, будто асфальтоукладчик переехал. Кряхтя и ругаясь, поминая чью-то мать, кое-как поднялся. В ноги ударило болью. Точно вся кровь, что находилась в моей туше, разом, подчиняясь земной гравитации, резко ухнула вниз, создавая гидроудар.

Охнул и плюхнулся на задницу, продолжая судорожно сжимать «ксюху». Теперь и там что-то лопнуло, в смысле на заднице, от чего там же стало мокро. Да чего я в автомат вцепился-то, как утопающий за спасателя? Кладу рядом. Звякнули антабки ремня. Еще минут пять сижу в кромешной тьме. Боль потихоньку отступает. Снова пробую встать. Получилось. Правда, что-то снова лопнуло подмышкой и там стало неприятно скользко. Запашок от меня шел, аж самому блевануть хотелось, чем-то на трупный похож. Но я-то живой, блин. Сердце гулко и с перебоями, но работало. На всякий случай щупаю пульс. Вроде есть. Правда, рука какими-то уплотнениями покрыта, на волдыри похоже. Ладно, надо до распределительного щитка добраться. Свет нужен. На хрена я его выключал? Еще и эта спинка от сиденья УАЗа телепается. Цирк шапито, ни дать ни взять.

Щиток находится слева от ворот, если смотреть из гаража. Тут пара шагов всего, однако я это расстояние минут пять преодолевал. Ползу, спинка за мной ползет. Таки добрался. Нащупал ряд автоматических выключателей. Тот, что отвечает за освещение, крайний справа. Странно. Стоит в положении включено. Точно. Я же из гаража минут на пятнадцать выйти собирался всего, свет включенным оставлял. Голова плохо соображала. На всякий случай пощелкал вверх-вниз. Хрена лысого. Электричества нет. Не страшно. Нашли чем удивить. Мы россияне, нас такой ерундой не напугаешь. У нас такое, блин, норма. Это америкосы, бедолаги, из небоскребов выбрасываются (когда-то где-то читал про подобное), наш же народ поморщится, конечно, но просто достанет из загашника свечку и снова будет не в темноте, а то и из старых запасов керосиновую лампу добудет.

Народ у нас запасливый. У меня же свечек нет, зато генератор на пять киловатт имеется. Ну-ка, где ты там? Опираюсь на верстак одной рукой, второй шарю под ним. Спинка, пристегнутая к руке, мешает, зараза. Опа, вот она заветная

кнопочка. Тычу в нее пальцем. Крякнул стартер, генератор чихнул и ровно загудел. Свет, мигнув, зажегся. М-да-а-а… Чего это тут было? Как черти порезвились. Хотя… точняк, трясло же. Вообще башня не варит. Все кругом покрыто пылью и кусками штукатурки, отвалившейся от потолка и стен. Оставленная вчера с вечера трапеза, вернее, пустые тарелки (я же за едой ходил) и сиротливый пузырь конины тоже ровным слоем покрыты. Удивительно, если так трясло, что аж дома рушились и штукатурка в гараже, собранном из здоровенных бетонных блоков, посыпалась, то как же бутылка на столе устояла? Нет, есть в мире справедливость. Где-то, помнится, были кусачки, здоровенные такие. Ими не то что наручники, ими лом перекусить можно. Нашел. Спинка мешает, но умудряюсь зажать один из рычагов в тиски, все, инструмент нехитрый, долго готовить к работе не надо. Там, где наручник пристегнут к запястью, саднит сильно и кровь течет снова. Вставляю краешек браслета между «зубами», наваливаюсь сверху всем телом. Хруп. Вместе с наручником лопается что-то и на мне. Свобода нас встретит радостно у входа и кто-то там нам что-то должен отдавать. Не помню уже, как там у классика было. Морщась от неприятных и очень болезненных ощущений, ползу к столу. Цепляю горлышко бутылки и дрожащей рукой тащу в пасть. За свободу и справедливость! Коньяк огненным клубком ухает в желудок, прочищая мозги.

Судорожно глотаю, зрение фокусируется на кисти, удерживающей бутылку за горлышко. Пока занимался наручниками, сосредоточился на абстрагировании от боли и не обращал внимания. А зря. Посмотреть было на что. Вся она была покрыта красными волдырями. Хренасе! Это же где я так обвариться успел? Вспоминаю ощущения лопающихся пузырей на спине. Возникает вопрос: это что же, я весь такой? От нехорошего предчувствия поперхнулся. Закашлялся. Коньяк не в то горло пошел. Пробрехавшись, ставлю пузырь, в нем еще четверть плещется. Ползу к умывальнику, там зеркало есть. А вот и оно, родимое. Расколотое по диагонали. Заглядываю в него… Господь всемогущий! Это что за образина смотрит на меня красными от полопавшихся капилляров буркалами? Глазами эти зенки назвать и язык-то не поворачивается. Про рожу даже говорить не хочется. Она опухшая, раза в два больше стала, хотя и так была здоровенная, плюс еще и покрытая волдырями, которые местами полопались и теперь из них сочится сукровица. Чертыхаясь, снимаю куртку, которая летит на пол. Расстегиваю негнущимися пальцами рубаху на груди. Ну, точно, и там такая же хрень. Как будто в чан с кипятком окунули. При таких обширных ожогах не живут. Слышал даже, что с такими ожогами люди, пока Богу душу не отдадут, даже боли особо не ощущают. Кто и где мне такое говорил, не помню уже. Может, и чушь это несусветная. Во всяком случае, утверждать подобное я бы не стал. Так и не медик я, все больше по части железа специализируюсь.

Ну и что теперь? Помирать или в больничку чапать? Может, «скорую» вызвать? Бреду к диванчику, там, на тумбочке, мобильник на вечной зарядке стоит. Он древний уже, батареи хватает часа на три, не больше. А мне больше и не надо. Кому мне звонить? Только клиенты на него еще продолжают названивать, а так он тоже давно без надобности. Мобильник есть, но мертвый. Свету не было больше чем три часа, так что он испустил дух с гарантией. Но ничего, сейчас зарядка пошла уже, минут через двадцать оживет. Мне бы пожрать чего да ополоснуться. Если «скорая» таки приедет, то хоть не таким вонючим найдет. А то как от покойника несет, прости господи. Интересно, а они вообще приедут? У меня же даже медицинского полиса нет давно. Старый протух, а новый так и не сделал. Без надобности было. Вот же, блин, дела. Но попробовать стоит. Если даже в больничку забирать откажутся, то хоть мазилку какую посоветуют или пилюльки на худой конец. Попрошу мужиков из соседних гаражей, чтобы купили. Куда мне с такой рожей в город? Детей пугать? Или до первого, очередного Долбина?

Не, мне выход из гаража заказан, до тех пор, пока… а собственно, до каких пор? И выйду ли на свет когда-нибудь. Может, так и окочурюсь в одиночестве. Сижу, тупо пялюсь на руки, покрытые волдырями. В голове ни единой путной мысли. Спустя какое-то время поднимаю взгляд на часы, висящие на стене. Надо же, полчаса почти сидел как в оцепенении. Глядя на часы, продолжающие как ни в чем не бывало отсчитывать время, чувствую, как в груди что-то теплеет. Часы у меня хорошие, судовые, механические. Им уже сто лет в обед и хоть бы хны. Даже конец света, буде такой грянет, переживут. Достались они мне с одного из пароходов, серии «Пионеры-герои». Сухогрузы немецкой постройки, названные в честь наших геройских детей времен Великой Отечественной войны. Леня Голиков, Нина Сагайдак, Боря Цариков и им подобных. Старенькие были пароходы уже, вот и погнали один такой в Индию на гвозди. Это в девяностых было.

Пароходы хоть и старенькие, но вполне себе рабочие. Там все настолько просто было, что тупо ломаться нечему. Механизмы надежные, что главному, что вспомогачам, еще пахать и пахать. Встать в док, корпус подшаманить, и работали бы еще. «Нины Сагайдак», правда, в этой плеяде уже не было к тому времени, она затонула еще до того, как я на флот работать пришел. Уж и не помню, что там случилось. Но вот что интересно, прежде чем отгонять пароход, его забили всяким разным. Новые телевизоры зачем-то поставили в кают-компанию и в столовую команды. Свежие комплекты постельного белья в полном объеме, посуду новую, хотя и старой хватало, да и телевизоры были,

холодильники вот тоже приперли. В общем, навезли всякого, в том числе и кладовые ЗИПом забили. Зачем? Сдается мне, что под этот шумок списали наши высокие руководители гораздо больше, чем потратили на самом деле.

В те времена, безвластия и беззакония, все тащили отовсюду и кто что мог. До чего руки дотягивались. Сам я, вот честно, как на духу, ржавой гайки не взял за всю свою морскую деятельность. Не, не, не!!! Часы не считается. Это я взял из каюты на память. Сердце кровью обливалось, когда покидал борт судна в последний раз. Выброшенный на берег, со свисающими с бортов штормтрапами, он выглядел как умирающий кит на берегу. Тоскливое зрелище, скажу я вам. Так и появились у меня эти часы. Уходил с одной сумкой, в которой лежали личные вещи и этот механизм. А вот народ из экипажа чего только ни пер. Те самые телевизоры, холодильники тетки наши, повариха с буфетчицей, посуду, постельное белье. Такого белья сейчас не купишь. Чистый лен. Сейчас же все больше синтетика. Мародерили кто как мог. На меня смотрели как на идиота, пальцем у виска крутили. А может, и вправду идиот, зато совесть не мучает. Так что нет, ребятки, часы это просто память о погибшем товарище. Это я о пароходе. Наверное, именно с тех пор не могу пройти мимо выброшенного механизма. Чудится мне, что он просит о помощи. Вот и помогаю, как могу.

Ладно. Чего это меня на мемуары потянуло? Кому интересны душевные терзания старого, толстого лузера? Однако курить хочется. На автомате хлопаю по карманам куртки. Блин, я же снял ее. Вон, возле умывальника валяется. Да и нет там ничего, эта скотина Долбин все карманы вывернул. И сигареты с зажигалкой, и деньги, и даже ключи от гаража забрал. Вот на кой ему ключи-то сдались? Да бог ему судья. Крыса, он крыса и есть. Запасные у меня всегда висят под грибком вытяжки. Человек обычного роста не достанет. Даже с крыши, если пацанва залезет, их не видно. Там надо сначала грибок хитрым образом повернуть. То, что ключи отняли, точно помню, а вот как доставал запасные… как обрезало. Это хорошо еще, что я не взял по привычке подарочную «Зиппо». Хорошая вещь. Добротная. Золотая. Красивая. Кстати, тоже клиент подогнал. Вот бы порадовался, крысеныш. Иди потом, доказывай, что она вообще у тебя была. А так китайской газовой обогатился. Крохобор, мля. Ползу к шкафу, там и початый блок Pall-Mall лежит. Достаю пачку, вскрываю. Закуриваю. Хорошо-о. У меня всегда так. Если не знаю, что делать, то курю. В процессе мысли как-то сами в порядок приходят. Вредно, говорят. Да знаю я, что вредно. Вот и не курите. Я же человек из тех времен, когда геноцид курильщиков еще не устраивали. Я курю, а вы не курите.

Беру бутылку, ползу к диванчику. Сел. Отхлебываю, глотаю, затягиваюсь. Но так можно и до второго пришествия сидеть. Снова встаю и лезу в подвал. Основные станки все там стоят. Но лезу не к ним. Дело в том, что, видимо, батя мой тоже не сильно удачлив был. При постройке кооперативного гаража ему достался именно тот бокс, где был поджим воды. Вот слева гараж сухой, справа сухой, а у него, блин, течет. От чего подвал был вечно сырой и лужи стояли. Продукты с огорода там хранить было противопоказано, да и вообще что-либо другое хранить тоже. Что только ни делали. Батя чуть ли не каждый год там стяжку какую-то новую мудрил. Ничего не выходило. Перла вода, хоть ты тресни. Я потом уже сам поступил проще. Превратил это дело из недостатка в достоинство. Вода-то не из канализации текла, а из скалы. Чистейшая.

Короче, вооружился инструментом и зимой, когда течь начинало не так интенсивно, вырыл там яму. Большую. А других и не умею. Помните, где я служил? Так вот, сварил из нержавейки короб и установил в яме, предварительно насверлив в нем дырок, в днище и по бокам. Объем даже не замерял, но до хрена получилось. Куба на два, не меньше. Потом все обратно закопал и бетоном залил. Теперь у меня в гараже есть вода, а в подвале сухо. Главное уровень не прое… в смысле, чтобы вода через верх не пошла. Для этой цели поставил погружной насос и поплавковую систему включения-отключения смастерил из запчастей сливного бачка от унитаза. Как повышается уровень сверх меры, насос сам откачивает. Вот и полез смотреть, не натекло ли через верх. Света-то не было. Насос при всем желании работать бы не смог. А он и сейчас стоял. Открыл лючок, заглянул. Вода была, но почему-то гораздо ниже уровнем, чем обычно. Странно это. Так не должно быть. Что, ни с того ни с сего, вдруг поджим прекратился? Раньше бы, может, и порадовался, а сейчас мне и с водой хорошо. Как же без нее жить? Но пока она есть, надо в расходный бак накатать. Включил насос принудительно. Зашуршало в трубе, потекло. Жду, пока из переливной трубы потечет. Потекло. Вырубил насос, кряхтя лезу вверх. Потом мылся. Впрочем, помывкой ту операцию сложно назвать. Каждое прикосновение к коже боль вызывает.

Скажем так – обтирался аккуратно. Холодная вода даже некое облегчение принесла воспаленной коже, а после того как худо-бедно обмылся, переоделся в чистую одежду и поел.

Да, еды-то у меня хватает. Правда, все больше в консервах. Чем со мной только клиенты ни расплачивались. Один, помню, даже партию женских трусов предлагал в счет починки. Тех трусов, что и трусами язык не поворачивается

назвать, три веревочки и крохотный кружевной треугольник. Уж и не знаю, чего этим можно прикрыть. Они же мне даже на ветошь не подошли бы. Вот и куда б я с ними потом? Послал я его тогда, конечно. Нет, не туда, куда вы подумали. За деньгами, естественно. Спросите, чего же тогда в магазин ходил? Так не кашу же гречневую с коньяком трескать! Я хоть и не привередлив, и вообще коньяк не шибко жалую, но хотя бы ради уважения к тем людям, которые с любовью выращивали виноград, потом делали на его основе коньяк, потом выдерживали его пятнадцать лет в специальных бочках, должен был хоть минимум приличия обеспечить. Правда, к великим знатокам культуры употребления дорогих коньяков я нисколько не отношусь. Как и с чем употреблять сей благородный напиток, не знаю. Поэтому решил просто себя побаловать доступными деликатесами. Лимончика там купить, сырку пармезанского, сервелатика твердого. В общем, на свой дилетантский вкус. Давненько себя не баловал, а вчера вот вспомнил, и аж слюни потекли. Чуть не захлебнулся, блин. Не судьба. Сижу, наворачиваю тушенку прямо из банки. Этого добра у меня как грязи. Все от них, от клиентов. Так что с голодухи не помру. Да и на себе, родимом, четыре пуда сала таскаю. Нет, точно не от голода дуба дам.

После того как поел, начало знобить. Странно, вроде в гараже было не холодно. Дошкандыбал до градусника. Восемнадцать градусов показывает. Нормально вроде. Я вообще-то не очень люблю жару. Особенно лето. Потею сильно и воняю соответственно. Так что для меня такая температура самое то. Но вот знобит же. И еще в сон клонит. Вроде поел, а сил нет, будто вагон угля разгрузил в одну харю. Запустить котел? Тоже, кстати, самодельный. На отработке пашет. Мне ее даже покупать не надо. Сами привозят. Масло ведь за чисто символические деньги меняю. Все любят халяву. А чего там его менять? Полчаса и готово, это если не спеша. Так и спешить некуда. А отработочку в бочку. Вон четыре штуки стоят. Топи не хочу. Однако чую, сил не хватит еще и котел растапливать. Единственное, на что наскреб здоровья, так это на то, что застелил диван целлофаном. Если с меня так эта волдырная гадость течет, то диван я угроблю совсем. Потом не ляжешь. Матрас еще один есть, так что этот не жалко. Сбросил его временно на пол, застелил кое-как целлофаном из рулона старого (наконец-то пригодился), да матрас обратно положил. Колотило уже немилосердно. Зуб на зуб не попадал. Перед тем как отключить генератор, окинул взглядом помещение. Грязища, пылища. Подумал еще, что убраться бы надо, подмести, да сил уже совсем не осталось. Повалился на диванчик. Накинул на себя овчинный тулуп, еще батин, да так и забылся. Дальше начался кошмар.

Во сне меня то колотило в ознобе, то в жар бросало. То вдруг я просыпался от удушья, снова забывался и просыпался от какого-то просто-таки первобытного

ужаса. Подолгу потом лежал, пялясь в кромешную тьму, соображая, где я и что со мной, чтобы незаметно для самого себя снова провалиться в сон, где тоже покоя не было. Странные видения, непонятные и пугающие терзали постоянно. Я вставал, пил. Хорошо воды заранее накатал в подвесной бак. Она была теплая и очень плохо утоляла жажду. Снова спал, вернее, трясся в ознобе или горел огнем. Иногда заставлял себя чего-нибудь сжевать. Если честно, желания не было, но я через не хочу это делал. Потому что понимал – надо. Кто-то спросит про туалет. Было и такое приспособление. Года два назад, в противоположной стороне гаражей какие-то рукастые ребята выкупили подряд сразу четыре гаража и совместили их. Там они какое-то столярное производство организовали. Мебель на заказ резную делали, какой-то искусственный тик. Что это за хрень такая, тик этот, да еще и искусственный, мне невдомек. Только про нервный тик знаю. Я по дереву не специалист, но вот они себе проводили воду и канализационную трубу. Вода у меня и так была, а вот к их фановой трубе я успел подключиться. Они мне даже помогли. Впрочем, я им тоже постоянно по-соседски помогаю. То одно им выточи, то другое. А то какие-то хитрые струбцины изобретут и ко мне сразу. Мол, дядь Сережа, давай сделаем. А я и делаю. Это же металл, да и в радость. Так что уборная у меня была. До ветру бегать не пришлось. Время остановилось.

Не знаю, сколько я так провалялся. Из гаража не выходил. Генератор запускал редко, только по необходимости, а в темноте не определишься, день сейчас или ночь. Да мне, собственно, не до того было. По ощущениям несколько дней всего. Сложно сказать. Я же большую часть времени тупо дрых, если так можно выразиться. Иногда сквозь сон слышал какие-то крики на улице. Визги или даже рычание. Что-то сильно колотилось в ворота. Помню сквозь сон, я орал что-то, мол, идите на… мол, хреново мне. Но стуки продолжались еще сильнее. Помню даже ехидно подумал не просыпаясь, мол, шкрябайтесь, шкрябайтесь, хрен вам, а не ворота мои вскрыть. Даром, что ли, я их сам делал? Их же разве что танком выдернуть можно, вместе с бетонными плитами. Сейфовые, блин. Форт Нокс удавится от зависти, какие у меня ворота. Даже если петли срежут и то хрен откроют. Потом, правда, прекратилась эта долбежка. Видать, надоело.

В общем, долго ли, коротко ли, но, похоже, организм таки справился с напастью. А ведь в «скорую» так и не позвонил. Забыл, блин. Встал с трудом. Лихоманка эта все силы жизненные вытянула. Шерстяной спортивный костюм висел на мне как на пугале. Удивительно, если вспомнить, что когда я его надевал, он только что не лопался. Это же сколько я скинул за время болезни? Ноги тряслись, но голова была ясная. Завел генератор. Когда свет зажегся, глянул на термометр. Фигасе! Двадцать шесть градусов кажет. Я же котел не топил, а снаружи зима

была. Все страньше и страньше. Сползал в подвал, хотел докачать воды в бак. Хрена лысого, мой родник пересох. Нет там более воды. Пусто как в барабане, если не считать одинокого насоса. Ладно, пока хватит. В подвесном еще две трети где-то имеется. Разделся, оглядел себя. Мда-а-а… Красавец! То, что схуднул килограммов на пятнадцать или даже все двадцать, невооруженным глазом заметно. Неплохо. Надо будет такой способ кому-нить посоветовать. Красота, спи и худей. Но вот вид у меня намного лучше после памятного осмотра не стал. Краснота еще не сошла, но хоть опухать перестал. Волдыри тоже пропали и теперь засохшими лохмотьями кожи свисали по всему телу. Зомбак, блин, и грим не нужен. Налил два ведра воды, сунул кипятильник. Как нагрелось первое, переставил во второе, а сам принялся отмываться. Хорошо бы в ванной замочиться, да где же ее тут взять. Стоя в тазу возле ворот, поливал на себя разведенный холодной водой бывший кипяток да мочалом оттирался. Что-то сошло, а что-то нет. Но после второго ведра почувствовал себя человеком. Запустил вытяжку, а то больно уж спертый воздух. Стало полегче. Значит, не показалось.

Убрал катающиеся по полу пустые жестянки банок из-под консервов. Подмел все и пыль вытер, пока вытяжка работает. Прибрался, в общем. Потом диванчик перестилал. Это я мудро его целлофаном застелил, хана бы ему была. Матрас теперь только выбросить. Скатал его да в тот же целлофан и завернул, а потом еще достал мусорные пакеты, здоровые такие, да в них засунул, чтобы не воняло. Горловину узлом завязал да у ворот бросил на время. Тут-то и кончились силы. Все-таки долго я провалялся, ослаб сильно. Поел и спать завалился, уже как белый человек, на чистый матрас и даже простыню постелил. В таком режиме еще дня три приходил в себя. Ел, спал, снова ел и опять спал. Коньяк закончился еще в тот, первый день перед длительным расколбасом, но то коньяк. Запас у меня приличный. Как-то подогнали двадцатилитровую канистру медицинского спирта. Так что есть чем себя на ноги ставить. В какой-то момент решил посмотреть, что в мире делается. На волю выйти давно хотелось, но вот мой вид меня смущал, да думаю, не только меня он смутил бы, увидь меня кто посторонний. Вот и сидел взаперти. И ведь никто не долбился. Не требовал срочно починить что-то. Это тоже странно.

Телевизор только шипел, ни на одном канале ни одной передачи. Включил ноутбук, вставил мобильный модем. Голяк. Интернета тоже нет. Это уже настораживает. Ладно, включаю автомобильное радио. Транзисторных приемников нынче нет, зато автомобильных валом и стоят копейки. Приемник древний, еще с кнопками механическими и ручной настройкой, кручу ее, настройку в смысле, уж тут-то точно должно быть что-то. Сейчас каналов

развелось, слушай не хочу. Да только и тут хрена лысого. Да что же такое? Нет, я про землетрясение не забыл, но ведь не весь мир трясло и не всех убило. Не один же я выжил. По инерции продолжаю крутить и тут:

– ВНИМАНИЕ!!! Всем, кто слышит! Повторяю! ВНИМАНИЕ, всем кто слышит! Говорит остров Русский. Если у вас есть возможность, добирайтесь к нам. Вместе выжить проще. У нас имеется продовольствие. Оружие и боеприпасы. Не хватает людей. Мы будем рады каждому живому соотечественнику, несмотря на возраст, пол и образование. Есть укрепленная база. Постепенно очищаем остров от зомби. При въезде на мост организован блокпост. Там есть техника, врачи и медикаменты. По указанию добравшихся мы осуществляем выезды в руины города. Если вы знаете о месте нахождения живых, не забывайте сообщать. Мы ждем вас!

Минута шипения в эфире и по новой. Похоже, кто-то крутил в эфире запись.

– Ну и что это за ерунда? – вслух спрашиваю сам себя. – Радиоспектакль какой или глупая шутка? Оружие и боеприпасы предлагают, про каких-то зомби говорят, от которых остров чистят. Что за хрень? Грибов накурились? Или грибы не курят? Да какая разница, чего и каким способом они употребляли? Главное, что дрянь эта забористая. Ну, вот что они несут? Какие, мля, зомби? Походу, самому, как бы ни хотелось, а надо тащиться в город. Делать нечего, но с зомбями это уже чересчур. Силенки худо-бедно, но подкопились за три дня, сегодня уже поздно, а вот завтра пойду в люди, тем более что «ксюху» тоже надо вернуть. А то обвинят еще в похищении оружия.

Так и поступил. Время было уже достаточно позднее, ну, во всяком случае, мне так показалось, а за воротами было темно. Я это через дверной глазок определил. Даже над столяркой у парней не горел фонарь, а между тем они его вообще не выключали, в том числе и днем. Сейчас не горит, значит, света не у одного меня нет. Так, а чего удивительного? Кто же после такого катаклизма будет в первую очередь гаражи подключать? Правильно, никто. Так что будь, что будет, а завтра пойду.

Приготовился я еще с вечера. Помня о катаклизме, достал ботинки охотничьи. Хорошая обувка, еще в Штатах брал лет пятнадцать назад. Подошва там какая-то хитрая. То ли из бамбука, то ли из нубука. Не помню. Хрен знает, короче, но обувь действительно удобная. Собирался ружьишко прикупить да охотой побаловаться. Девочек своих дичинкой экологически чистой подкармливать, да

так и не собрался. А потом и не для кого стараться стало. Так и лежала обувка абсолютно новой, надеванной всего раз для примерки в магазине. Теперь вот пригодилась. Джинсы черные достал. Померил. Влезаю. Как раз те килограммы, что слетели во время горячки, под размер меня и подогнали. А то помню, думал еще, выбросить или оставить. Хорошо что не выбросил. Тельник теплый достал (тоже давно не надевал его) и свитер. Кутка кожаная пованивала, так я ее тоже в пакет пристроил, а вместо нее старенькую с вешалки снял. Она, конечно, вид имеет непрезентабельный, но еще довольно крепкая. Накинул на себя… гляди ты, сходится на пузе-то. Шапку лыжную. Автомат, отсоединив магазин, замотал в брезентуху старую, да шпагатом перевязал, чтоб не вывалился. Из того же шпагата сделал лямку, чтобы не в руках нести. Потом еще подумал и полез по полкам шариться. Помнится, где-то валялся пожарный топор. Когда-то давно нашел его в металлоломе, только топор, топорища не было. Я же все в гараж тащу.

Хороший такой топор, на нем клеймо тридцать пятого года стоит. Тогда стали не жалели. Ребятишки мне из столярки к нему такую рукоятку забабахали, сама в руки просится. Да лаком покрыли, чтобы не отсырела. Короче, привел инструмент в порядок, а потом понял, что мне он особо-то и не нужен. С тех пор и валяется на полке уже больше года. Спросите, зачем топор готовлю? Да мало ли. Нет, не от зомбей отбиваться. Я в сказки не верю. А вот мародеры могут попасться на дороге. Эти господа от сырости заводятся, даже если до этого их не было. Ребята они не мирные, им известность ни к чему. От пары-тройки я бы и так отмахался, а ну как если больше будет? Нет, возьму от греха. Не понадобится, так и хорошо. Хуже будет, если понадобится, а его не будет. Я же ему из старого кирзача удобный такой чехольчик пошил. На ремень повешу, вот и не мешает. Ну, вроде готов. Теперь сгрызть чего-нибудь и спать, потому как завтра будет трудный день.

Глава 3

Утро. Нарядился в то, что приготовил с вечера. Брезентуха с завернутым в нее автоматом за спиной. Топор на ремне. Глянул в зеркало. Ох и рожа. Точно первый же патруль примет два раза. Сначала за маньяка примет, а потом в распростертые объятия, с железными браслетами в виде подарка. Как только подумал о них, о браслетах, зачесалась правая рука, где только начали подживать следы от снятых наручников. Но деваться-то некуда. Надо же

разобраться в происходящем.

Воротная калитка открылась как всегда беззвучно. Выглядываю осторожно. Вроде и понимаю, что услышанное по радио – бред сумасшедшего, однако автоматически опасаюсь. В лицо повеяло теплым ветерком. Выползаю, оглядываюсь. Странно. Что странно? А все. Во-первых, непосредственно теплый ветерок. Зимой-то? Во-вторых, ароматы, которые он нес. В-третьих, тишина. Но обо всем по порядку. На улице было тепло. По-летнему. Гараж-то у меня тот еще бункер. Даже в самую жаркую, летнюю погоду в нем прохладно, если, конечно, я не работаю с горном. Видимо поэтому, всего двадцать шесть градусов на градуснике было. Так-то по ощущениям теплынь стояла под тридцатник, и это при том, что солнце только поднималось. Утро ведь. Отсюда мне его пока не видно, гаражи мешают. Ну и что за ерунда с погодой творится?

Далее сам ветерок, вернее те ароматы, что он с собой нес. Пахло нагретым бетоном и еще чем-то. Пока не разобрался чем, но приятными те запахи не назовешь. И тишина. Не то чтобы полная тишина, но отсутствовали привычные звуки, которые издает живой город. Те самые звуки, которые мы по сути, как правило, не воспринимаем, так как они являются естественным фоном. Но как только они пропадают… в общем, настораживает. Зато имелись другие звуки. Где-то раздавался жалобный и печальный скрип, как от несмазанных качелей, раскачивающихся на ветру, какие-то подозрительные шорохи, что-то вроде шарканья и чего-то осыпающегося. Еще, кажется, рычало что-то или кто-то. Но то могло и почудиться. Где-то очень далеко метнулся крик и тут же стих. Но самое главное, я никак не мог отделаться от ощущения, что чего-то не хватает. Минут десять столбом стоял, прислушиваясь и принюхиваясь, соображая, что же не так. Так ничего не придумав, я как можно тише, стараясь не звенеть ключами, закрыл гараж, а затем двинулся к воротам кооператива, интуитивно расчехляя топор. Руки сами, помимо головы, сработали.

Иду, верчу бестолковкой. Пока ничего интересного. Хотя… что это за бурые пятна? Подозрительно. Кровь, что ли? Тревожно как-то и неуютно. Гаражи закрыты. Это тоже странно. Обычно в это время мужики уже открывают ворота, прогревают моторы, покуривая и жалуясь друг другу на жизнь. Кто на жену, кто на начальство, у кого что болит, короче. А тут тишина. Да даже по выходным дням с раннего утра народ уже собирается. Гаражи это же как мужской клуб по интересам. Только тут многие из нас чувствуют себя мужчинами. Оно ведь как, в гаражах мужик кто? Правильно, орел! Тут он даже не то что жену, тут он собственную тещу не боится. А если еще стопку махнет, то круче него только

вареные яйца. Дома же это, как правило, совсем другое существо. Там все решает и всем помыкает жена или вообще ее маман. Эх, женщины. Что же вы творите с нами? Мечтаете о книжных или киношных героях-красавцах, не понимая, что там сплошная бутафория и выдумка. А настоящие, они и так рядом с вами, вот только в угоду своим, женским амбициям стараетесь согнуть своего мужика под себя, загоняя под каблук. Откуда же героям браться при такой-то жизни? Да что там говорить, сам таким был. Чем кончилось, я уже рассказывал.

Пусто, ветер гоняет грязные целлофановые пакеты. Противоположная сторона, что перед моей, последняя. Вдоль нее и двигался. Вот и крайний гараж. За его углом ворота, которых давно нет. Только два железных столба остались. Все собирались сброситься да электрический шлагбаум поставить, но потом передумали. На кой хрен он сдался? Это же тогда и охрану надо ставить, чтобы не столько гаражи, сколько сам шлагбаум охраняли. Ночью ведь тут кого только не шляется. Просто так сломают. Из удали молодецкой. К тому же через гаражи еще сквозной проезд. Раньше-то его не было. Там, за нами, воинская часть стояла. Режимный объект. И не то чтобы полноценная часть, но что-то типа штаба было и плац. Если честно, никогда не интересовался, что там служивые делали, но раз были там, значит, надобность была. В девяностых все, понятное дело сократилось и куда-то делось. Остался плац, здание не то штаба, не то еще чего-то, да пара непонятных строений. Охраны нет, вот и начали ездить через ту сторону. А тут мы со своим шлагбаумом… нет, как пить дать сломали бы.

Заглядываю за угол. Там должна быть асфальтированная дорога, которая ведет к нашему кооперативу, вдоль девятиэтажного дома. Должна, но, походу, не обязана. Нет той дороги более, как нет собственно и дома, вдоль которого она когда-то шла. Дом рухнул набок, погребя под завалами проезд. Впереди было дикое нагромождение бетонных обломков и торчащей арматуры, пополам с обломками мебели и прочего теперь уже мусора. И тут до меня дошло, что же сразу показалось неправильным. Чего не хватало глазу. Выше нас дома стояли. Они практически нависали над гаражами, а теперь чистое и голубое небо, ничего не загораживает. Вот тогда-то и подкосились ноги, в груди сердце гулко ухнуло и начало сбоить. ДОЧЬ! ИРИШКА!

Задыхаясь, остервенело карабкаюсь по грудам изломанного гравитацией бетона, спотыкаясь и падая каждую минуту. В голове одна мысль. Что же за отец я такой? Землетрясение, дома рушатся, а я валяюсь в гараже, консервы трескаю! Козел, а не отец! Отвык думать в первую очередь о семье. С тех пор как перестал быть им нужен, прошел не один год. Думать только о себе

приходилось. Но ведь это меня не оправдывает. Жена-то ладно, у нее теперь есть кому позаботиться. Но Иришка, Ириска сладкая, моя дочь, кровиночка. Плохо вижу от злой влаги, что навернулась на глаза. Злюсь на себя.

Ругаю последними словами и лезу, карабкаюсь на груду битого бетона. С вершины этой беспорядочной груды обломков должно быть видно, что стало с домом, в котором я когда-то жил.

Вот и она. Не Эверест, но запыхался уже. Хватаюсь за торчащий кусок арматуры, помогая себе взобраться. Там, наверху продолговатой, огромной кучи, что раньше была девятиэтажным домом о трех подъездах, вроде в насмешку над всей этой чехардой как ни в чем не бывало стоит табурет. Обычная такая кухонная табуретка. Встаю рядом, во все свои два ноль пять. Из груди рвется стон. Вид открылся страшный. От спального района только груды битого бетона остались. Ноги сами подкашиваются, и я плюхаюсь на услужливо стоящий рядом тот самый табурет. Редко где устояло несколько этажей, которые возвышаются рваными обломками. Мой дом… вернее когда-то мой, частично устоял. Вглядываюсь. Вон в той части на четвертом этаже и жил я. Когда-то тут везде был частный сектор. До сих пор, по зиме, начинает переть вода из засыпанных некогда колодцев. Мне было десять лет, когда наш дом попал под снос, и мы переехали в новую квартиру. Тут и прошла моя юность. Тут и в школу ходил, и в армию отсюда ушел, и с моря сюда возвращался… до определенного момента. Иришка же в мою родную школу ходила. В следующем году заканчивать должна была. Взрослая совсем.

Ворохнулась надежда. Может, выжила? Не чувствовал я смерть родного человека. Вот когда отца хоронил – чувствовал. Мать, когда на погост вез, тоже было чувство утраты, а вот дочь ощущал живой. Не мог я ее представить мертвой и раздавленной. Не мог и не хотел. Пусть я лузер, пусть никчёмный человек, но такого даже я не заслужил. Встаю. Топор как трость использую, опираясь при спуске. Моя цель – добраться до дома. Та уцелевшая его часть, как маяк. Тут недалеко. Метров около ста в горку. В другое время я бы и не заметил этого расстояния. Что тут идти? Минуту неспешным шагом.

Однако сейчас тащить свою тушу в сопку ох как тяжело, да еще везде навалено обломков, которые или обходить, или перелезать приходится. Тишина уже просто давит на уши. Даже вездесущих воробьев и тех не видно и не слышно. Только битый бетон хрустит под ногами. Бреду. Вдруг тишина разбавляется посторонним звуком. Вроде чавкает кто-то. Собаки? На трупах подъедаются?

Вполне может быть. Тут надо осторожней. Если собаки попробовали крови, это уже не друзья человека. В них зверь просыпается. А в стае так и вообще тихий ужас. Порвут на немецкий крест. Мама сказать не успеешь. Стараюсь двигаться как можно осторожней, перемещая топор из положения – опора, в положение – оружие. По широкой дуге обхожу железные гаражи. Это у нас кооператив человеческий, а тут дикие. Дальзавод когда-то клепал железные коробки в невероятных количествах. Стоили они недорого, но и стоят теперь где попало. Куда смогли приткнуть, там и стоят. Прислушиваюсь. Да нет. Вроде не собаки. Вроде люди. Уже хотел было окликнуть, да что-то остановило. Что-то резануло глаз. Навел резкость и… Святый боже!!! Чуть не выплюнул тушенку, что совсем недавно схарчил! За углом железной коробки сидели двое и жрали. Жрали третьего, чьи останки лежали в луже крови. Именно останки, так как телом те куски и осколки костей назвать язык не поворачивался. Тут-то я и понял, что меня в запахах настораживало. Воняло мертвечиной. Эти двое увлеченно чавкали и хрустели. Похоже, что мужик и тетка какая-то. Мужик в рваных трениках и майке, а тетка в некогда стильном темно-синем брючном костюме. Теперь цвет только угадать и можно. Ну, дык после такой трапезы любой одежде дорога одна – на свалку.

От неожиданности происходящего оступился. Неудачно поставил ногу. Кусок бетона вывернулся из кучи, и я, падая на задницу, сползаю к подножию препятствия, через которое перебирался. Ох, как они отреагировали. Вот они на корточках сидят, жрут, аж спина буграми. А вот они буквально в мгновение разворачиваются в мою сторону, припадая к земле ну чисто собаки. Морды оскаленные, окровавленные, глухо так, утробно рычат. Такое кого угодно в ступор вгонит. Ведь тут именно что морды, лицами давно, похоже, не пахнет. Показалось, нет? Вроде глаза зеленым отсвечивают. Показалось, наверно. Какой свет может быть утром, когда солнце начинает палить? И действительно, припекает порядочно. Я в теплом тельнике, свитере да в кожаной куртке, взопрел весь. Но глядя на этих вурдалаков, прости господи, иначе не скажешь, страх, озноб пробежал по спине, а шерсть на загривке дыбом встала. Пячусь задним ходом, испуганно бубня под нос:

– Вы это, жрите. Не отвлекайтесь на меня.

До жути захотелось обратно в гараж. Под его несокрушимые, не подвластные даже землетрясению стены, за такие надежные и крепкие стальные двери. Да что же такое происходит, а?!! Где власти, где спасатели? Где люди в конце-то концов? Ну не может быть такого, чтобы только я один и вот эти… И тут

вспоминается передача по радио. Русский! Вот куда мне надо. Там есть люди. Однако, как бы ни хотелось обратно, в такой безопасный гараж, а убедиться, что с дочерью все в порядке, я должен, да и спиной поворачиваться к таким тварям нельзя. Повадки-то звериные. Вон то, что когда-то было мужиком, как-то так плавно, по-звериному, боком-боком загребает, обходя меня. Тетка скалится, но в действии разворачивающемся активного участия не принимает. Жрет. Твою мать! Похоже, руку глодает, откусывая пальцы и хрустя ими как сухариками, «кириешками».

А ведь я ее, кажись, знаю. Точно. Светка это, из первого подъезда. Она младше меня лет на пять. Бизнесвумен местная. После школы практически сразу выскочила замуж и укатила в столицу. Лет через десять объявилась. Слухи ходили, что муженек ейный покрасивше замену нашел. Однако Светка баба ушлая. Своего не упустила. Хорошие отступные поимела, походу. Вернулась домой, бизнес какой-то замутила. Жена вроде говорила, что-то с косметикой связано. Уж и не знаю, чего мужик ерепенился, как по мне, так и эта очень даже ничего была. Ноги длинные, попа что надо, грудь мечта… была. В прошлом году заезжала, кстати. Менял ей колодки на двухсотом «крузаке». Не узнала. Впрочем, она вообще на всех свысока глядела всегда. Тоже мне московская знаменитость. Да мне, если честно, глубоко фиолетово было. Теперь, правда, от той красоты из фитнесклуба одни воспоминания остались. Зверь, да и только. Сидит, хрустит, щурится и порыкивает. Вроде как поощряет своего самца. Надо же, куда вся привередливость делась. Раньше-то она с таким замызганным товарищем, как этот, в растянутых трениках, даже одним воздухом дышать не захотела бы. А тут, гляди же ты… с другой стороны, раньше она и чужие руки не грызла.

Ну, вот чего им там не жралось? Я же не вкусный. Жир сплошной и холестерин. Быстро оглядываюсь, отмечая взглядом местность за спиной. Двигаюсь тоже боком, так, чтобы оба этих упыря были в поле зрения. Тут ведь только повернись спиной – амба. Хруп, чпок. Глаза сами собой лезут на лоб. Ноги… или теперь это уже лапы, задние, у мужика на моих глазах переламываются в коленях. Хрясь. И вот они у него, уже истинно как у зверя, коленками назад. Мама дорогая! Куда я попал и где мои вещи?!! Тварь как-то так по-кошачьи подбирается, неприлично повиливая худосочным задом, и одним мощным прыжком, устремляется ко мне. Передние… уже и не руки вроде, со скрюченными когтистыми пальцами, выставлены вперед. Дальше я действовал не думая. Буквально почувствовав начало прыжка, отмахиваюсь топором. Ярким росчерком вспыхивает в лучах солнца остро отточенное, полированное лезвие. Хрясь! Врезается сбоку в оскаленную морду. Длинная рукоятка не дает передним лапам (давайте уж

будем называть вещи своими именами) дотянуться до моей тушки. Тварь отбрасывает. Весу в нем явно вполовину меньше моего будет, да и в удар я вложился от души.

Визг, почти что ультразвуком, бьет по натянутым нервам. Башню надвое ему развалил. Гарантированно труп должен быть. Да только умирать эта образина не хочет. Верещит, катается кубарем, поднимая столбы пыли. Думал, что сейчас вторая атака последует, бывшая Светка завозилась, оживилась. Кинула огрызок чьей-то руки. Но вместо того, чтобы атаковать меня, бросилась к поверженному… «бойфренду». Нет, не спасать или плакать. Жрать. Походу, ей все равно кого харчить. Рык. Визг. Я, вот хотите смейтесь, а хотите нет, но такого стрекача задал, что и сам не заметил, как преодолел последние метры до развалин моего дома. Поджилки тряслись, глаза заливали… прямо-таки потоки пота. Никогда трусом не был, а тут прямо какой-то животный ужас обуял. Хорошо хоть не обмочился с перепугу или в штаны не наложил. Смейтесь, смейтесь. Со стороны все смелые. Посмотрел бы я, как вы на моем месте поступили. Вот терзают меня смутные сомнения, что кто-то бы героем выглядел в той ситуации. Стою. Пытаюсь отдышаться. В груди что-то булькает. Нет, точно курить вредно. Что? Я об этом уже заикался? Ну, так не помешает и второй раз повторить, для тех, кто не понял или не поверил. Не курите. Дрянь это. Ей-богу, дрянь. Вот доберусь до гаража, добью блок и брошу… если не забуду.

Пытаюсь отдышаться и унять дрожь. Она, в смысле дрожь, не только в коленках. Весь трясусь. Руки, ноги. Всего колотит, короче. Мотор через глотку пытается выскочить наружу. Давненько такого адреналинчику я не хапал. А уж страха натерпелся… Вот как на духу, в жизни так не трусил. Оно ведь, если опасности знакомые, то к ним и готов более или менее. Но к такому трудно подготовиться. Минут пять стоял. Вроде продышался, да и колотун маненько отпустил. Нужно двигаться дальше. По-хорошему тут не топор, тут завернутый в брезентуху автомат пригодился бы больше, однако расчехлять его не стал. Он ведь на весь мир прогрохочет. Мол, вот он. Туточки болезный. Кто даст гарантию, что на звук выстрелов не сбежится целая стая таких вот зверушек? Нет. Ну-ка нафиг такие эксперименты. Инстинкты прямо-таки орут благим матом, что шуметь не стоит. Вот и не буду. Топором оно и правда тише, да и стрелок я так себе. Не то чтобы совсем стрелять не умею. С какой стороны за оружие браться, представляю. Если лечь, да не спеша прицелиться, может, и попаду в ростовую мишень на положенном для стрельбы расстоянии. Однако даже для этого какой-никакой опыт нужен. А я все больше ямы копать специалист. Автомат только на присяге и видел. Да и тот не персональный, а один и тот же, из рук в руки передавали. К тому же цели тут, как выяснилось, шустрые и прыгучие. Навскидку палить

придется. Попаду? Может, и попаду, а может, и нет. Даже если попаду, то сколько патронов на это уйдет, одному Богу известно. А магазин всего один.

Чего-то сегодня Бога через раз поминать начал. Однако тут и безбожник убежденный за милую душу начнет себя крестным знамением осенять. Я вот, хоть и крещен был в детстве, но ярым верующим никогда не был. Пасху праздновал. Как все. Я что, лысый? Однако не столько из радости, что Христос воскрес, а скорее потому, что пожрать вволю и на законных божьих основаниях. Хотя и во время поста я себя не ограничивал. Священное Писание Священным Писанием, а жизнь жизнью. Но вот, поди же ты, самого пробирать начало. Интуитивно коснулся груди, там, где висел простенький серебряный крестик. Мама перед смертью подарила и попросила носить.

Поправляю сверток с автоматом на спине и начинаю осторожно обходить дом. Хватит с меня нежданчиков. Мне бы дочь найти. Господи всемогущий! Если ты есть! Помоги! Ведь не за себя прошу. За ребенка! Она-то в чем виновата?!! Бросаю взгляд назад, откуда пришел.

Смотрю вниз, взгляд сам собой устремляется дальше, туда, где из распадка вырастает следующая сопка. Там тоже дома стояли. Когда-то. Теперь везде один и тот же пейзаж.

Продолжаю движение. Вдоль дома, где был внутридворовый проезд и подъезды, все завалено. Как и там, возле гаража. Однако мой подъезд чудом устоял, до шестого этажа. Чувствую, как где-то в душе напряжение отпускает. Немного. Прислушиваюсь. Тишина. Как на кладбище. Впрочем, это и есть кладбище. Подъезд завален, но на уровне второго этажа наружная плита лестничной клетки вывалилась, образуя вполне себе пандус для проникновения внутрь. Беру курс туда. Вот бы хоть лестница уцелела. Если нет, я же не заберусь. Это раньше для меня преград не было. Стройный был да звонкий. Как сейчас модно, пресс кубиками. Сейчас тоже кубик, только один такой, большой. Правда, грани на том кубике немного подстерлись, закруглившись. Чем вам не кубик?

– Мужик! Сзади! – слышится крик откуда-то сверху. Пусть время, пусть возраст и жир, но рефлексы, наработанные в юности, в критических обстоятельствах всплывают сами. Сгибаюсь почти пополам, пропуская над собой что-то летяще-рычащее. Топор сам описывает дугу вдогонку. Да что б тебя! Светик! Твою разэтак! Как подкралась-то беззвучно. Дай Бог здоровья крикуну сверху. Сейчас бы уже рвала загривок сзади, а так только и выхватила топором в позвоночник.

У-у-у, тварь зубастая. Задние ноги у нее отнялись, но передними корягами загребает и ползет подвывая. Зубищи-то, зубищи. Издалека не разглядел, а сейчас проняло. Это же не зубы, это хрен пойми что. Сантиметра, наверно, по три длиной и острые. Морду и не узнать, если бы раньше не видел, человеческого почти не осталось. Челюсти вперед выдаются. Переворачиваю топор, там где у обычного обух плоский, у пожарного рог чуть загнутый. Размахиваюсь… на-а-а!!! Нашла время, когда обниматься прыгать. Снова руки трясутся. Затравленно озираюсь. Вроде никто более не собирается мной пообедать. Однако удачно попал второй-то раз. Клюв топора точно в темечко угодил. Вот доставать не очень удобно такое оружие. Застрял, зараза. С опаской подхожу. После удара-то отскочил. Берусь за рукоять топора. Шевелю осторожно, готовый в любое мгновение бросить и снова отскочить. Во всяком случае, попытаться. Нынче из меня тот еще скакун. Вроде дохлая. Расшатываю свое оружие. Башка шатается, не моя, Светкина. Впрочем, меня и самого пошатывает от пережитого. Адреналин так даванул, аж давление подскочило. В ушах долбит и в висках боль разгорается. Без цитрамона вообще худо будет. Наконец оружие освобождаю. Фу-у-у. Мерзость-то какая. С рога капает черная кровь. Вонючая. На живую и близко не похожая. Снова еле удерживаю утренний харч в себе. Так это что же, не врали, выходит, по радио? Твою дивизию! И как теперь жить, когда мертвяки вокруг шатаются?

– Ну, ты и здоров топором махать! – то ли восхитился, то ли насмехался голос сверху. – Прямо канадский лесоруб.

Поднимаю голову. В висках стреляет. Морщусь, разглядываю, что это за комментатор выискался. Ба-а, дык это Виталя. Сосед с пятого этажа. Его вечно лохматая рыжая башка торчит из окна кухни.

– Здоров, Виталя, – отвечаю, а у самого зуб на зуб не попадает. – Жив значит, курилка?

Это мой одноклассник. Виталий Степанович Розумовский. Непризнанный гений электроники. Я после школы в бурсу поступил, а он в политех намылился. Друзьями мы никогда не были, даже в школе. У меня же спорт был, тренировки постоянно. Потом учеба, армия, моря. Здоровались за руку, но не более. Хотя вроде нормальный мужик. Жена его, Зойка, тоже наша одноклассница, долго не могла зачать, а когда таки сладилось, пяти лет не прожила. Может, надломилось что после родов двоих-то пацанов разом. С тех пор он и вдовствует. Двоих парней поднял. Уважаю.

– Погоди, – изумились сверху, – Серега? Ты, что ли?

– Я. Мою тушу и в упор не признать? Точно богатым буду.

– Так поди тебя узнай. С рожей-то что?

– А хрен его знает, Виталь. Долгая история.

– А ты точно он?

– В смысле? – поражаюсь вопросу. – Кто он?

– Так знамо кто. Серега Вольнов. Больно ты нынче на зомбака похож.

– Да я это.

– Обзовись.

– Век воли не видать, – выдаю я киношную фразу и для пущей важности щелкаю ногтем об зуб.

– Да не, нынче это не канает. Ты мне вот что скажи, что мы три месяца назад делали у тебя в гараже с моей «ауди»?

Тупо пялюсь на этого Холмса доморощенного.

– Побойся бога, Виталий! – восклицаю удивленно. – У тебя сроду иномарок не было. Ты же всю жизнь на батиной «копейке» проездил. Разводку мы на задних тормозах делали.

Сверху лыбится рыжая рожа.

– Точно. Серега.

– Так, а я тебе про что?

– Ну, брат. Нынче тебе не тогда. Видал, что творится? Тут поневоле проверяться начнешь. Когда такое видано, чтобы трупаки как живые расхаживали? А ты чего тут? Как выжил?

– Да долго рассказывать, говорю же. Ты мне вот что скажи, моих видел?

Рыжая рожа смурнеет.

– Поднимайся, – говорит, – тут долго рассказывать. Слушай, а у тебя пожрать ничего нет с собой? Второй день голодными сидим, хорошо, перед трясучкой предупредили, что воду холодную отключат, успел в ванну набрать. А то бы совсем худо было.

– Слышь, рыжий, – сдают нервы, – ты мне зубы не заговаривай, видел моих?!!

– Да видеть-то видел, только хорошего мало могу сказать.

Сажусь на задницу там, где стоял. Внутри все опустилось. Как же так?

– Да погоди ты падать! – кричит сверху. – Дочь твоя точно катаклизм пережила, но увели ее. А вот жена…

– Плевать мне на жену!!! – уже почти рычу. – Что ты душу мне мытаришь? Где она? Кто увел? Куда?

– Да мне-то откуда знать? Здоровенные такие, зеленые. С саблями все. Или, может, с мечами. Не разбираюсь я в холодняке. В доспехах кожаных. На вторую неделю после землетрясения нагрянули. Гребли всех. И твою Иришку забрали. Ох и шустрая она у тебя, еле поймали. Если б не аркан – ушла бы.

Встаю. Что за зеленые, не знаю, но зря они это сделали. По следам пойду, не важно, как далеко, без разницы. Найду и всех там порешу. Зубами грызть буду. Главное, что жива. ЖИВА. Виталий, увидев, что я собираюсь уходить, орет сверху:

– Погоди, Серега, куда ты сейчас?

– А сам как думаешь?

– Ну, куда ты пойдешь?

– Туда! – машу рукой на север. – Там она. Я чувствую. – А ведь и правда чувствовал. Как маяк какой-то включился, который точно указывал направление. Вот пока не знал, что жива Иришка, пока переживал, будто что-то экранировало чувства. А теперь точно знаю, в какую сторону идти.

– Да погоди, ты. Помоги. У меня тут с десяток человек в хате обретаются. Все, кого успел спрятать. Пропадут же. Тут такое в округе ходит, жуть берет.

– Вот такое? – указываю топором на бывшую Светку.

– Ага. Только она не одна была. Понимаешь, повадились охотиться на живых. Хитрые, суки. Затаятся и ждут. Пока не кинется, не узнаешь. А ходят тихо, что и не услышишь. Ну, ты сам видел. Я же тебе жизнь спас только что. Не крикни я, порвала бы эта стервь тебя. Не бросай. Как я тут один с бабами и детишками?

И то верно. Не бросать же людей. Ведь живые. Кем бы я был, если бы бросил голодных на произвол судьбы?

– Добро, – киваю. – Ты радио слушал?

– Да какое радио, электричества уже третью неделю нет!

Ого. Это что же получается, если взять землетрясение за точку отсчета, то я, выходит, две недели пластом провалялся? Со злости пинаю тушу Светки.

– Короче, Виталий, на Русском собирают выживших. Вчера передачу слышал. Они ее по кругу гоняют. Возле моста стоит блокпост. Там и техника, и врачи, и продовольствие. Во всяком случае, божились, что дело именно так обстоит. Оружие обещали подкинуть. Вы вот что, берите с собой самое ценное и спускайтесь. Сможете? Только не шумите. Мало ли какая пакость в округе обретается. Сегодня переночуем у меня в гараже. А завтра с утра пойдем в сторону моста на остров.

– Добро, ты пока тут посторожи, я сейчас народ сгоношу.

Голова Виталия пропала. Походу, не донесу я «ксюху» до отдела. А и есть ли он, отдел тот нынче? Наверно, тоже с землей сровняло. Снимаю сверток. Режу топором шпагат. Разворачиваю старую брезентуху, бросаю под ноги. Теперь без надобности. Подсоединяю магазин, передергиваю затвор. Ставлю на предохранитель. Хорошая машинка, надежная. Жаль, что укорот, говорят, точность у них не очень. Только в упор палить. Ну да ладно, дареному оружию в дуло не заглядывают.

Собрались, учитывая, что там одни женщины и дети были, на удивление быстро. Всего-то минут сорок как на иголках под развалинами танцевал, вертя головой на триста шестьдесят градусов. Все казалось, что кто-то смотрит на меня с исключительно гастрономическим интересом. А может, и смотрел кто, я уже ничего не пойму. Где интуиция, а где паранойя? Страх не отпускал, рисуя в воображении картинки одна другой ужаснее.

– Слышь, Серег, – когда все спустились, шепотом спрашивает Виталий, – а ты случаем Виктора не видел, с третьего этажа? Он аккурат за час до твоего прихода решил вылазку сделать до магазина, что с торца дома был.

Понятно, почему шепотом. Вон жена того Виктора, стоит, прислушивается к нашему разговору.

– Нет, – говорю, – не видел.

А сам-то понимаю, кого жрали эти твари.

– Эх, жалко, – сокрушается Виталий и желваками играет. – Сгинул, видать. Тут ведь кроме этой еще один скачет. Видел бы ты, как он коленки выворачивает. Ужас. Осторожнее надо бы.

Вот что мне сказать жене его? Видел, мол. Во-он там лежит то, что не доели Светка с тем уродом в трениках? Это сказать? Беспокоюсь за рассудок женщины. Им же, бабам в смысле, башню рвет от этих непоняток и переживаний. Скажешь, что погиб – в истерике забьется, верещать начнет. Скажешь, что не видел – так идти откажется, мол, ждать благоверного буду. Одна надежда на материнский инстинкт, который заставляет это Евино племя в

первую очередь думать о детях. Так уж они устроены.

– О! – заметил Виталя «ксюху», что свисала с моего плеча. – Где артиллерию такую раздобыл? На блокпост ходил?

– Нет. Я из гаража-то вылез только сегодня. Как услышал про зомби по радио, не смог усидеть. А это мне подарок от нашей доблестной полиции. Увидели меня и говорят: «На, мол, Серега, ствол боевой да булатный, на одного тебя, молимся и уповаем. Покроши ворога-супостата, на винегрет мелкий. Кто как не ты…»

– Да не свисти ты! – Машет рукой собеседник.

– Ну, а чего пристал-то? Взял и взял. Тебе какая разница? А того урода, что коленками назад, я видел. Когда от гаража поднимался.

– И что?

– Нет его больше.

– Ну, ты, Серега, монстр, – восхитился Виталя.

Ага, монстр. Знал бы ты, как я чуть штаны не испачкал. Вот это был бы действительно всем монстрам монстр с обосранными портками. Точно от вони все мертвяки бы заново передохли.

– Обращаться умеешь? – сую ему АКСУ в руки.

– Ну, стрельнуть, наверное, смогу. Но я стрелок такой, что как бы самому себе задницу не прострелить или своих не задеть. Может, лучше ты сам? Ты же вроде в армии служил, в отличие от меня. А мне топор дашь.

– Ага, в стройбате. Там все больше из лопаты стрелять приходилось. Вот из нее я тебе такую яму выстреляю, что любо-дорого смотреть. В планету попадаю с первого раза. Впрочем, тебе стрелять и не надо. Твоя задача идти замыкающим и по сторонам смотреть в оба. А пушка так, на всякий случай. Она громкая, мало ли кто прибежит на звук. Так что лучше б и не надо.

– И то верно, – соглашается. – Ну что, двинули?

– Так! Женщины! Внимание. Идем не медленно и не быстро. Детей держать при себе. По возможности рта не открывать и детишкам не давать. Я первым, Виталий замыкающим. Пошли.

– А что с моим мужем?

Ну, вот, так и знал, что не обойдется без этого. Тут сюсюкать нельзя. Таких соплей развезет, ни одного платка утереться не хватит.

– Я его не видел, женщина. Может, придет, а может, и нет. Как бы там ни повернулось, вы готовы рискнуть своими детьми?

– В смысле рисковать детьми? – округляет в удивлении глаза миловидная женщина.

– В смысле остаться здесь и дожидаться своего благоверного. Учтите, у вас, в отличие от меня, дети вот они, и даст бог, доберемся до Русского. Там все будете в безопасности. А муж ваш, может, туда позже подойдет сам. Мне же приходится время тратить на вас, а мою дочь, как говорит Виталий, какие-то перцы зеленые увели. Так что мне недосуг уговаривать. Вы можете идти с нами, а можете остаться. Это ваш выбор. Я понятно объясняю?

Надо сразу вколачивать в эти головы, что нынче вам не там. И горе, потери не у одной тебя, возомнившей, что ее горе горше прочих. Поворачиваюсь и начинаю движение. Метров через двадцать оборачиваюсь. Идет. Плачет, но идет. Ну и то хлеб. Я не нянька, мне бы свои проблемы разгрести.

Глава 4

А в магазинчик, что стоял на пятаке, неподалеку от торца нашего дома, мы таки зашли. У меня воды в гараже оставалось немного. После банного дня литров пятьдесят на дне подвесного бака плескалось. На ораву из десяти человек баб с детишками это как капля в море. Так что надо было об этом подумать.

Консервов-то у меня много, на всех хватит. Магазинчик этот, кстати, очень неплохой был. Начинался с обычного ларька. Его азербайджанец держал. Что-то типа семейного бизнеса. Тяжело поднимались. В девяностых их ларек, наверное, раз десять горел, а потом уже и магазин два раза красного петуха видел. Но хозяин мужик упорный оказался. Каждый раз заново отстраивался. Вот чем и кому мешали люди? Хорошая семья. Жена у прилавка стоит, всегда приветливая, улыбчивая, муж товар возит. И ведь товар хороший был и цены нормальные. Честно торговали, не обманывали. А какой лаваш вкуснейший продавали? М-м-м! Очень четко отслеживали конъюнктуру местных потребностей. Там всегда было то, что требовалось дома. Потом, видимо, наладил отношения с каким-то фермером. Стали продавать домашнее молоко, сметану, масло. Мясо свежее. Всегда только высшего качества. Вот кому мешали? Ну, живут люди, работают на совесть, не паленой же водкой торгуют, зачем гадить? Ведь нам же самим жизнь упрощают и делают ее лучше. Так нет, вот вам пожарчик, чтобы жизнь медом не казалась. Зависть? Наверное.

Магазин был вскрыт. Кто-то до нас успел подломить. Вряд ли Виктор. Видимо, его прямо у порога на выходе сцапала та сладкая парочка. Да потом ниже, к железным коробкам гаражей утащили. Но товара пока хватало. Людей выжило мало, а мертвым еда ни к чему. Хотя хрен его знает. Нынче мертвец бодрый пошел, может, и не брезгуют человеческой пищей. Кто их разберет, зомбей этих? Я себе только килограмма на полтора шмат сала соленого оттопырил в дорогу, удачно подвернувшийся и сохранившийся, а вот воды взяли много. Сколько могли унести. Каждой бабе, у кого дети своими ногами топали, по пятилитровке в каждую руку вручили, да и дети, кто постарше был, по полторашке «монастырки» несли. Сами же с Виталей налегке шли. Дискриминация, думаете? А вот нисколько. Для начала, они сами же для себя воду и несут. Мне бы и той, что оставалась в гараже, для сборов в дорогу хватило. Плюс ко всему и что важнее всего, защитниками, как ни крути, а токмо мы с Виталей и были. Негоже, когда защитник тот тащит на себе груз. А ну как опасность? Пока сбросишь, пока оружие схватишь… короче, не катит такой вариант. Испокон веку так было. Мужики с оружием, бабы скарб тащат. История, она такая история. Это было не мужское бахвальство, по праву сильного, а реальная необходимость. Вот и теперь прут. Деваться-то некуда. Времена нынче лихие наступили, тут уже не до равноправия и прочей толерастии. Ну и что с того, что с меня, да и с Витали, те еще защитники? Какие есть. Женщины и того не сделают.

А я вроде как ветеран даже. Уже двух дохляков бегающих отправил туда, где им давно следовало быть. Правда, до сих пор потряхивает.

Но ничего. Дошли. Без приключений, слава богу. В гараже стало тесно сразу. Так-то он у меня приличных размеров. Больше стандартного. Кооператив же. За свои деньги народ строил. Сами землю выбивали, сами проект составляли, сами практически и строили. Так что гаражи просторные получились, если стандартный брать как бокс на одну машину, то тут получалось на полторы с запасом. Однако двенадцать человек это даже для такого помещения многовато. Выручил подвал. Теперь-то там сухо и вентиляция нормально работает. Пришлось дербанить стопку пенопластовых листов. Хотел в будущем ворота утеплять, но чего уж там, не на голый же бетонный пол людей класть. Детей-то маленьких на диване разместили, который пришлось разложить. Уж и не помню, когда я его последний раз раскладывал. Думал даже, что и не разложим, не доломав. Нет. Вполне получилось. Без особого комфорта разместились, короче, так я и не обещал. Безопасность гарантирую, а за комфортом в отель, если такой найдете поблизости. Достал газовую плитку и баллончики газовые к ней. Сковороду большую, тарелки, вилки, ложки. На всех не хватило, но ничего. Уж как-нибудь по очереди поедим. Выставил ящик консервов, с рисовой кашей, и бутылку подсолнечного масла. Сахар и чай с собой из магазина прихватили. У меня мало было, да и не особый я питок по чаю-кофе. Последнее время я больше что покрепче употреблял. Но, походу, баста. Не до алкоголя мне теперь. Мне б вот эту ораву на руки сдать да за дочерью отправляться. Нужен я ей. А значит, снова есть цель и смысл жить. Вот не поверите, от такого чувства аж плечи развернулись… хотел еще соврать, что пузо втянулось, но нет. Пузо на месте, чтоб его. Однако, когда есть уверенность, что ты кому-то нужен, совсем по-другому себя чувствуешь. Тому не понять, кто не ощущал на себе одиночество, находясь при этом среди живых людей.

Однако женщины есть женщины. Вот же ж Евино племя. Вот как у них это получается? Возьмем, к примеру, квартиру, где одинокий мужик живет. Что бы он ни делал, какой бы дорогой и модной мебелью не обставлял жилплощадь, какую бы дорогую, ультрасовременную технику или утварь не завозил в дом, жилье так и останется просто берлогой холостяка. Но если вдруг появляется женщина, то вроде бы ничего и не изменилось, тем не менее жилье сразу становится как-то уютней. Если и меняется что, то, как правило, практически незаметные штрихи. Так и у меня в гараже вышло. Часу не прошло, а вроде и жилой вид мастерская приняла. Вот умеют женщины, что не отнять, то не отнять.

Меня, после того как вернулись, колотить еще сильнее начало. Видимо, откат словил. Как представил, что бы было, если б не отмахался топором от первого

злыдня, а потом от Светика-семицветика… Бр-р-р. В озноб так и бросает. Сижу. Колбасит. Руки трясутся. Зинаида Павловна, пожилая женщина лет шестидесяти, что на третьем этаже жила, а теперь вот с тремя внуками на руках осталась, увидев, как меня трясет, потрогала лоб.

– Да ты горишь, Сережа. Тебе к врачу надо.

Ну, блин! Тоже мне новость. К врачу мне надо было две с половиной недели назад. А раз до сих пор копыта при мне, то теперь уже точно не отброшу. Да и где те врачи теперь?

– Да нормально все, Зинаида Павловна, – отвечаю. – Это меня отпускает, после стычки с… ну, вы понимаете. А температура эта отголоски только. Основное я уже переболел. До конца, правда, еще не оклемался, да и перенапрягся сегодня. Ну и струхнул маленько, тварей этих увидев, – признаюсь напоследок.

– Все бы так боялись, так и тварей бы меньше стало. – Грустно улыбается женщина. – Нагляделась я из окна, как они живых гоняли. Ой, сколько народу пожрали в первые-то дни. – Закрывает лицо ладонями. Плечи вздрагивают. Однако берет себя в руки. – Если бы не Виталий с Виктором, да вот ты теперь, и нас бы заели. Жаль Витеньку. – Снова всхлипывает.

– Теперь все нормально будет, – ободряюще так говорю, а сам-то и не уверен вовсе. Еще ведь дойти надо. А по дороге всякое может произойти. Да и на месте, когда придем, что еще будет?

– Ты так считаешь? – с надеждой смотрит на меня. Вот что мне ей сказать? Я ведь ни в чем теперь не уверен. Хрен его знает, как оно там будет дальше. Но сказать что-то все равно необходимо.

– Уверен, Зинаида Павловна. Как раньше, может, уже не будет, конечно, но жить-то дальше надо. Вон, – указываю взглядом на детей, – ради них хотя бы.

Женщина смотрит задумчиво. В глазах стоят слезы. Вдруг она спохватывается:

– Тебе бы отдохнуть, Сереженька. И медикаментов каких принять. У тебя жаропонижающего нет?

– Кроме цитрамона, ничего. Я его глотаю, когда голова трещать на погоду начинает.

– Это у тебя давление. К врачам ходил? А вообще, похудеть бы тебе. Раньше-то, помню, какой мужчина был статный. Все девки в округе Любке твоей завидовали. А как ушел из семьи, запустил себя. В квашню превращаться начал. – Укоризненно так смотрит.

– Я ушел? – удивленно смотрю на нее.

– Не знаю, Сережа. В чужие семейные дела я лезть не привычна. Так что говорю, что вижу.

К разговору присоединяется Виталий.

– Да то Любка евойная хахаля привела, пока он в морях болтался, да потом из дома поперла.

– Сам ушел, – поправляю.

– Какая разница, Серега, сам или не сам? Мог бы и не уходить. Квартира-то родительская была. Бабу свою нужно было на улицу гнать.

– И дочь вместе с ней?

– Что дочь? – не понимает.

– Дочь, говорю, тоже надо было на улицу гнать? Суды у нас такие. Сам знаешь. Всегда априори на стороне матери. Не мог я так поступить. Пришлось переписывать жилье на дочь, а самому уходить.

– Но себя-то зачем же так запускать? – снова говорит Зинаида Павловна.

– А! – машу рукой. – Чего теперь-то?

– Слухай, Серег! Я знаю, у тебя всегда есть что покрепче. Давай накатим, а? Тебе вот точно надо, чтобы отпустило, да и я не отказался бы. За все то время, после землетрясения, столько натерпелся…

– Там, – тычу большим пальцем себе под ноги. – В подвале, на полке, канистра из нержавейки. В ней спирт. Разведи.

– Это я мигом, – потирает ладоши Виталий и исчезает в подвале.

– Вы не против, Зинаида Павловна?

– Да нет, Сереж. Вы же на своей территории. Гараж все-таки, – улыбается. – Я сейчас кашу разогрею да компанию поддержу. Вы только не напивайтесь, мальчики. Вы же единственная наша надежда теперь.

– Вы, Зинаида Павловна, не сумлевайтесь! – Из подвала появляется рыжая голова. – Сегодня глотнем с устатку, завтра огурцами будем. Этому слону и литр чистогана после пережитого как вода пойдет. Вон как его трясет. Да и то сказать, не понимаем, что ли? Мы токма здоровья для, а не пьянки ради. Да поговорить чтоб. Какой разговор на сухую?

Поговорить было о чем. Это я две с половиной недели пластом провалялся. А Виталий все это время выживал как мог. Много видел и всякого.

– Понимаешь, Серег, я в первые дни, после землетрясения, много где побывать успел и облазить. На острове мы теперь.

– Как это?

– Да вот так. Выживших было мало. Ночь ведь была. В районе нулей трясти начало. Большинство уже успело по домам после работы вернуться. Так что неудивительно. Мы поначалу помощь ждали. Приморье сроду ведь не трясло. Думал, вот-вот спасатели нагрянут, палаточные городки, полевые госпиталя с кухнями, то-се. День прождали, тишина. Так не бывает. Понятное дело, что в нашей стране по-всякому может случиться, но такое не заметить… сам понимаешь, невозможно. А тут еще теплынь, как летом. Ну, неспроста ведь. Тогда я пошел на разведку. Мертвяки к тому времени еще не вставали.

Валялись, где конец свой встретили. Убирать-то некому. Забрался на самую высшую точку. Ну, туда, где крейсер многоподъездный стоял. Вернее, на кучу, что от него осталось. Гляжу и глазам не верю. Весь город, вернее та его часть, что к нам ближе, как на ладони должна была быть. Да только нет того города.

– Развалины?

– Да какие развалины, Серега?!! Вообще нет. Представляешь? Как и не было никогда. Там дальше, если на север смотреть, то ли степь виднеется, то ли еще что… вроде пустоши. А между той землей и нами вода. Немного совсем, но вода. Пролив, короче. По речку нас, как от пирога отрезало. Понимаешь? Чуркин, часть «Сахалинской» с «Тихой» и нами. Тогда я кинулся в сторону морского кладбища…

– Туда-то зачем? Мало ли что из земли полезет.

– Нет, Серега, там как раз вряд ли. Да и не знал никто тогда еще про мертвяков. Туда полез, чтобы на другую сторону глянуть, там тоже высокая точка, да и домов там не было, а значит, меньше по завалам лазить.

– И что?

– А то. Еще остров Русский есть, а дальше море.

– А другие острова? Попов, Рейнеке и так далее?

– Если честно, тогда даже не обратил внимания. Но какая разница, Серег? Ты что, не понимаешь, о чем я?

– Что-то не очень. Ты нормально можешь объяснить. Чего загадками изъясняешься?

– Да я тебе прямым текстом говорю, башка ты стоеросовая! Мы уже не на старушке Земле.

– Мальчики, мальчики. Тише, – успокаивает разошедшегося Виталия Зинаида Павловна. – Дети же спят уже. Разбудите.

Виталя делает испуганные глаза и изображает жест, как будто бы на губах молнию застегивает.

– Все, все. Понял. Забыл, где нахожусь. – Дальше уже мне: – Ты пойми, Сергей, ладно б весь город в руинах лежал, так нет его. Города. Куда он делся? Считай только Первомайский район да остров Русский остались. Остальное где?

Смотрю на него молча, жду продолжения. Сам-то еще ничего не видел. А человек уже осмотреться успел и выводы кое-какие сделал. Правда, выводы эти звучат как бред сумасшедшего, но ведь и трупы ходячие тоже из того разряда, однако бродят и пофиг им, что они сказочные персонажи. Вопрос-то он чисто риторически задал, да и ответить мне все равно нечего. Пока идет накопление информации.

– Вижу, не веришь мне. – Ухмыляется. – Считаешь, сбрендил я? С катушек слетел? Крышу рвануло?

Не знаю, чего он там себе надумал, но и в мыслях не было. Однако, похоже, снова закипать начал.

– Ты, Виталя, лишнюю ерунду не придумывай. Кто тебя в чем обвиняет? Дальше рассказывай, – успокоительно так говорю. – Слушаю я тебя, внематочно… о-о-о… внимательно.

– Наливай тогда. В горле пересохло. Ну, за выживших и чтоб мертвые спали спокойно, а не по округе шлялись.

Замахнули, тыкнулись ложками в сковороду.

– Так вот, я чего еще заметил. Отсутствие остальной части города это не один признак. Есть и другие. Хотя один этот и то косвенным уже не назовешь. На полноценную улику тянет. Факт это! Понимаешь?

– Ладно, ладно, Холмс. Ты дальше излагай. Про другие улики.

– Будут и другие. Наливай. Ну, за… впрочем, давай снова за живых вздрогнем, мало нас осталось. Так вот, я еще на Луну посмотрел.

– И что увидел? Там зеленые человечки завелись? – Ухмылка невольно лезет на рожу. Не смог удержаться. Каюсь. Полузабытая школьная привычка автоматически сработала. Дело в том, что Виталий с детства мечтателем был. В школе его «звездочетом» дразнили и постоянно ехидничали на эту тему. Астрономией он увлекался. У него даже телескоп есть. Кстати, он его с собой прихватил. Видимо, рука не поднялась оставить. Я бы тоже не смог. Хорошая вещь, только я в астрономии, как свинья в апельсинах.

– Ты зря смеешься. – К моему удивлению, одноклассник не обиделся на старую подначку. Видимо, давно перерос детские обиды. – Много чего увидел. Для начала скажу, что не Луна это.

– А что?

– Ну, в смысле луна, конечно, но только применительно к понятию спутника Земли. Слышал же, наверно, в ящике, если хоть одну умную передачу на эту тему смотрел, про луны Юпитера, к примеру?

– Да вроде слышал.

– Ну, так сам тогда должен понимать, что луна и Луна это разные вещи. Просто луна это спутник какого либо космического тела, который виден с того самого тела. А наша Луна, кроме того, что она по сути луна-спутник, еще имеет имя собственное, но одноименное. Так вот эта луна не наша Луна. Рисунок поверхности чужой. Не наш. А самое главное, что она дальше от планеты, где мы находимся, и меньше нашей по размеру. Я считал. Ну, вернее пробовал. Так ведь, кроме луны, еще и рисунок звездного неба изменился. Ни одного знакомого созвездия. Грешным делом подумал, что планета наша полюса сменила. Читал про такую возможность, от того и рисунок другой… но нет. Вообще ничего общего. Я долго искал хоть что-то, но узнал бы. Хрена. Понимаешь?

Фигасе он успел работу провернуть. Это уже реально аргумент. Смех смехом, но Виталя голова, в этой теме действительно волокет. Ясен перец, на любительском уровне, но по сравнению со мной профессор.

– Ну и лето. – Он победно откидывается на стену, за неимением спинки у пластикового ящика.

– Что лето?

– Пипец, Серега, ты сегодня трудный. Вроде никогда тормозом не был. В наших широтах… повторяю, В НАШИХ ШИРОТАХ – зима, блин, должна быть. А на улице лето стоит. Трава полезла, где смогла.

– Но как? – Шары мои от удивления, наверно, на лоб повылазили. И ведь понимаю, что бывший одноклассник меня, дурака, в очевидные факты носом тычет, но поверить в реальность происходящего вот так, с ходу, не получается.

– А хрен его знает, Серег. Но вот чуйка подсказывает, что праздничная иллюминация в небе, перед землетрясением, имеет непосредственное участие в случившемся. Ты видел это?

– В первых рядах, можно сказать. Меня, болдого, ПэПээсы практически на выходе из гаража приняли. Еле калитку закрыть успел. Везли в отдел. На Борисенко встали в пробке. Ни туда, ни назад. Мигалки и те не помогли. Вот и смотрели. Прямо перед глазами иллюминация сверкала.

– Ха, так вот откуда у тебя укорот.

– Ну да. Они же, как трясти начало, моментом подорвались и чухнули. Только я их и видел. Один даже ствол свой забыл. А может, бросил.

– А ты?

– Да я мало что помню. Накрыло. Думал, богу душу отдам, так корежило. Но отпустило потом. До гаража на автопилоте добирался. Очнулся много позже. Даже по времени не скажу. Утро там было или ночь. В районе двух часов стрелки показывали. Это я потом увидел, когда генератор запустил. А вот дня или ночи… фиг знает. Да и хреново мне было… в общем, не до выяснения точного времени. Плохо соображал. Лежу на диване, автомат на пузе, к правой руке спинка от сиденья УАЗа наручниками пристегнута… еле-еле сил набрал, чтобы «браслеты» кусачками сломать и хоть немного обтереть себя. Волдыри лопались и воняли

жутко. Потом свалился и не вставал практически, – не вдаваясь в детали, поведал свою историю. – Так вот и провалялся. Пару дней назад только на ноги встал, а тут…

– Как же ты так, Сереженька! – Всплеснула руками Зинаида Павловна. – Ты же помереть мог. К врачу надо было – в больницу.

– Зинаида Павловна! Ну какие врачи? Какие больницы? Где они теперь? Большинство врачей сейчас вон в овраге, возможно, друг дружку поедают, – возражает Виталя.

– Постоянно забываю, – смутилась сердобольная женщина и заплакала. – Все кажется, что вот-вот моя Юленька за ребятишками приедет. Они с мужем на БАМе квартиру купили, ремонт делали…

Не, не тот БАМ, что вы подумали. Наш БАМ, сиречь Батальон Армейской Милиции. Он там квартирует, а вокруг него жилой микрорайон. Прижилось название. Относительно Первомайского района он на другом конце города находится. Точнее находился.

– Главное, что ребятня уцелела, – стараюсь успокоить женщину. – Вам сейчас о них беспокоиться надо.

– Я понимаю, Сережа, все понимаю. Вот только сердце надрывается. Ему не прикажешь.

– Так вот, – снова начинает лекцию доморощенный астроном, чтобы разрядить обстановку и сменить тему личных переживаний, – полагаю, что пространственная аномалия образовалась. Не спрашивай как, не спрашивай почему. Все равно не отвечу, ни я, ни кто-либо другой. Но напруга в небе плясала бешеная. Мало ли как и что там сработало. Главное то, что мы не на Земле, и это факт. А напоследок еще аргумент, там, на Земле, мертвяки ходячие только в сказках бывают. А тут они наяву бродят. Кстати, о зомборях – они тоже ведь разные.

– В каком смысле?

– Наливай, ща буду речь толкать о своих некрофилич… короче, о наблюдениях за нежитью. А ради такого архиважного дела, Серега, глотку бы надо смазать.

– Не возражаю.

Выпили, закусили.

– Та-ак-с, с чего бы начать? – Виталий задумался.

– Давай с начала, – подсказываю.

– Вариант, – соглашается. – Значитца так! Вставать трупы начали на третий день только. Я поначалу обрадовался. Думал же, что не померли они, а просто в отключке лежали. Понимаю – так себе надежда. Ведь пованивать уже начинало. Надуваться начали. Жара-то днем до сорока доходила. Но как говорится, чего только сам себе не придумаешь. Как увидел первых, хотел от радости плясать. Бежать обниматься. Хорошо, что не побежал. А потом и всех кого смог остановил. К сожалению, не всех успел. Они, трупы эти ожившие, друг дружку жрать начали. Вставали в разное время. Кто-то раньше, кто-то позже. Так вот, они пожирать тех сначала кинулись, кто пока не встал, а оставался до поры порядочным трупом. Ну, просто мертвым значит.

– Что значит до поры?

– А то и значит, Сережа, что некоторые из тех трупов, оживали в процессе пожирания. То есть в процессе их собственного пожирания другими. Думал, поседею, когда это увидел. Но вот что интересно, если трупак ожил, то охочие до мясца твари сразу же бросали его поедать и переключались на следующего, ближайшего. Представляешь? Ходили тут разные, у одного руку успели отъесть, у кого пузо выжрали, а они ходят и в ус не дуют. Более того, видел одного, вдалеке правда, так и вовсе до костей обглоданного.

– И что?

– А ничего. Ходит себе.

– Да ну!

– Ей-богу, Серега. Ерунда, что далеко было, я через телескоп наблюдал. Похоже, что как только встал, все – типа свой. Однако приоритет у них все же живые. Если рядом есть живой, все они на него целятся. Про обычные трупы забывают на время.

– Пипец!

– Да не-е. – Мрачнеет лицо одноклассника. Он замолк на короткое время, а на скулах тяжело перекатываются желваки. Видимо, от весьма неприятных воспоминаний. – То еще не пипец был. Он позже начался. Тут ведь какое дело, сами по себе они не сильно опасны, трупаки эти. Они-то сразу заторможенные какие-то. Тупят со страшной силой. Ходят медленно, дерганно как-то. Как кукла на веревочке у плохого кукловода, а вот если отожрутся, то начинают меняться.

– Как Светка?

– Во-во! Однако чтобы так отожраться, им нужна живая плоть. Не знаю, от простой мертвечины они меняются или нет, но недаром же они, в первую очередь кидаются именно на живых. Вот те, кому посчастливилось налопаться не тухлятины, а свеженины, и начинают быстро мутировать. Правда, за точность выводов головой ручаться не буду. Информации мало, тут еще наблюдать и наблюдать. Может такое статься, что от живого мяса они просто быстрее трансформируются, вот и стараются. Но есть и другая интересная деталь. Мертвечину когда жрут, то исключительно себе подобных. Другие виды не трескают. А вот живых едят всех подряд. Что примечательно, просто трупаки подъедаются без особого разбору. Тухлятина или нет, не важно, но вставших не трогают. Отожравшиеся, те и собратьями не брезгуют. Будет живой, слопают живого, не будет, так не беда, трупы тоже подойдут, но если и тех не останется, то они и своих подельников харчат со свистом. А вообще, у этих тварей даже что-то вроде иерархии или чувства самосохранения имеется.

– Поясни.

– М-м-м, ну вот смотри, завелась у нас та парочка, остальные, кто встал, тут же куда-то делись. То ли ушли с чужой территории, и тогда это иерархия работает, а может, тупо убрались, пока самих на корм не пустили – вот тебе и самосохранение.

– А как про другие виды вызнал?

– Да просто. Делать нечего, вторую неделю тут сидим безвылазно в осаде. Вот и пялюсь вокруг – наблюдаю. Собаки, например, тоже как люди. Какие выжили, а какие нет. Так вот выжившие сразу дристнули куда подальше. Собака хоть и зверь, а тоже с понятием. Жить всякой животине охота. Да токмо ловкие твари эти отожравшиеся упыри. От нежити-то псине или кошаку какому увернуться раз плюнуть, но не от упырей. Бегают те похлеще самих собак, а хитрости в них и того больше. Так что вся живность, что выжила после катастрофы, дунула куда подальше, а вот дохлятина четвероногая бродит и эти их не трогают. Сам видел. Дома-то попадали, обзор увеличился. Наблюдай, не хочу. Вот я и зырил в телескоп, в том числе и за «Светкой» бывшей с хахалем приблудным присматривал. Они ведь именно парой жили. Вроде как на своей территории. Уходили иногда, на охоту видимо, но всегда возвращались.

– Что значит парой? Хочешь сказать, что они размножаться могут?

– Чего не знаю, того не знаю. – Виталя грустно усмехается. – За интимной стороной жизни наблюдать не довелось. А когда говорю, что вместе жили, имею в виду не сексуальную озабоченность, а охоту парой и проживание. Тут было как-то, приперся конкурент, со стороны Тихой. Я как раз с той стороны дома наблюдал. Крался, гаденыш, осторожничал. Но эти его мигом срисовали и в лоскуты подрали, а потом употребили по прямому назначению. Выбирают ли себе пару по половому признаку, сказать не могу. Мало информации. Но сам понимаешь, это ведь дело такое, всякое может быть. Новый вид жизни, вернее не жизни.

– Уже и терминологию придумал? Прям как по писаному чешешь.

– Дык, Серега, я же, в отличие от тебя, не только техническую литературу читаю. Двух пацанов поднял. Приключенческих книжек в жанре фэнтези в доме полно было. Оно же само на язык просится. Зачем придумывать новые термины, если их давно за нас придумали? А учитывая ходячих мертвецов, так вполне не удивлюсь, если откуда ни возьмись доморощенные «Гарри Поттеры» появятся. Мы же о новом мире еще ничего толком не знаем. Вот взять тех самых зеленых, что пришли неделю назад…

– С этого места подробней давай.

– Много подробностей не жди, а что видел, то узнаешь. Наливай покуда.

Снова выпили. Раствор Виталя развел слабо. Градусов шестьдесят крепости, по ощущениям, но льется в глотку как вода.

– Вот ты, Серега, все никак не хочешь поверить и очень зря. Книги в жанре фэнтези сказки, конечно, но то в нашем мире. Тут же всякое может быть. Взять, к примеру, «зеленых» этих. Они один в один, как в книгах описывают. Здоровенные лоси, навроде тебя, токма не жирные.

– Виталь, давай хоть ты не будешь мне мозг клевать, а?

– Говорю как есть. Здоровенные парни. Сабли свои явно в руках не первый год держат, ловко управляются, шельмы, с нежитью местной не церемонились. По всему видно, что знают, с чем имеют дело. Сто пудов, местные это. Одеты ребятки, похоже, в кожу. Но не так, как мы. Мы же в основном кожу как дорогую верхнюю одежду используем, а у них это повседневный прикид, скорее боевой даже. Разглядел что-то вроде защитных пластин нашитых. Из чего, не скажу, но на рог похоже. Огнестрела нет и в помине, зато луки точно есть и пуляют они из них не хуже наших снайперов профи. Вот только у нас снайпера это достаточно редкие мастера, а они все при луках, значит, обращаться умеют тоже все. Довелось мне как-то увидеть, когда они по округе ходили, собирая всех живых, кто под руку подвернется, как один парнишка смог-таки вырваться. Дунул он быстрее ветра. Петлял как заяц. Думаешь, за ним вдогонку кинулись? Хрен там. Из лука подбили. Причем стрелок явно в ногу целился и, что характерно, попал туда, куда хотел. Убивать точно не собирался. Не спеша сходили и принесли бедолагу. Я ведь почему тебе про Гарри Поттера говорил? Есть подозрение, что подобные мастера тут имеются.

– С чего так решил?

– Если честно, только предположил, но тому была причина. Эти ребятишки зеленые тут три дня местность прочесывали. Людей-то выживших изначально было мало, а потом еще меньше стало. Никто же не предполагал, что трупы восстанут. Многих поели. Так что улов был у зеленых не сильно густой. Они больше металл хватали. Арматуры-то немерено торчит, а у них, походу, металл тут в цене. Живых они хапали заодно. Точно не специально за ними шли. Да и вообще на разведчиков больше похожи были. Но я не про это хотел сказать.

Когда они уходили, снова через наш двор прошли. Я видел того паренька. Живой, но главное – своими ногами шел.

– Ты пытаешься сказать, что на третий день парень, которому прострелили ногу стрелой, топал на своих двоих?

– Точно.

– Думаешь, подлечили?

– А есть другие варианты? Ну не само же за три дня заросло!

– Блин, Виталя, но ведь даже при современной медицине такое невозможно. А в средние века и помирали, если стрела грязь в рану заносила. Хорошо, Виталя, предположим, ты прав. Только не психуй сразу! – останавливаю начавшего было возмущаться одноклассника. – Говорю, «предположим», потому что сам говоришь, что мало информации. Как бы ни было похоже на правду все, что ты тут мне вывалил, пока факты не подтвердятся, это все равно останется в категории домыслов. Так вот, допустим, ты прав и это другой мир, но судя по экипировке твоих орков…

– Не мои они, местные.

– Не цепляйся к словам. Пусть не твои, но орками ты их назвал. Кем бы они ни были, на продвинутую цивилизацию не тянут, а значит, и медицины продвинутой быть не может.

– Тебе-то откуда знать, что у них может быть, а что нет? Много мы про свою историю знаем? Хотя, как ни странно, тут ты верный вывод сделал. Но я-то не к этому вел, а как раз к другому. Кто тебе сказал, что у нас там медицина продвинутая? Предположи на минуточку, что это наоборот.

– Может, ты попутал чего, Виталь? Может, не стрелой они ему ногу проткнули, а оглушили как-то?

– Серег, я инженер-электронщик, а не дурак. Стрелу, торчащую из ляжки, не перепутаю. Точно тебе говорю, полечили его и очень быстро, что как ты сам

понял, у нас невозможно. Вот и вырисовывается «Гарри Поттер» местный. Был у них в ватаге один товарищ занятный. Мне почему-то показалось, что он у них шаманом подъедается. Весь в непонятных хламидах, обвешен мусором всяким, в руках постоянно то ли посох, то ли палка корявая, но из рук не выпускает. Вот поклясться готов, что не простая то палка была. Наши упыри попробовали было сунуться, так он только на них дубину эту направил, тех как… – собеседник мой глянул на Зинаиду Павловну, – тем самым сбрило. Бежали опрометью, подвывая и поскуливая. Жаль, камеры под рукой не было, телефоны ведь все сели к тому времени. Вот бы видео для изучения при хорошем разрешении и покадровой перемотке получилось.

– Лады. Вроде стройно выходит. Не зря сидел столько на этаже. Вполне на рабочую гипотезу наглядел. – Протягиваю руку. – Держи краба. Но ты мне вот еще что скажи. Как так получилось, что только мою дочь увели, а вы все остались?

Собеседник мой потупился.

– Прости, Серега, но мой это грех. Не доглядел. Она с нами была. А вышло так. Я же говорил уже, что по всему видно, разведчики это были. Особо не шарились по развалинам. Хватали, кого видели. Да и развалин-то, в которых можно б было ютиться, мало где сохранилось. Их я издалека увидел и понял, чужаки это. А значит, добра не жди. Потому всем приказал лежать на полу и в окнах не маячить. Вышло так, что гурт из выживших они собирать начали на спортплощадке, где детский садик когда-то был. Прямо у нас под окнами. И того паренька, что подстрелили, тоже туда приперли. А это оказался одноклассник Иришки. Она-то и не видела изначально, что там происходило. Лежала, как все, на полу. Но я отвлекся. Пополз в другую комнату, чтобы глянуть на другую сторону дома. Вот она из любопытства, видимо, и сунулась в окно. Узнала парня. Надо спасать людей, говорит. А как их спасешь? Ну, разве что к ним присоединиться. Я объяснять пробовал, но она ни в какую. Трусы вы, говорит, все, и на выход, даже мяукнуть не успел. Шустрая. Там же одного лестничного пролета больше чем до половины нету. Я мостки сделал из дверок шкафа и подручного материала, чтобы наружу ходить. Тогда они убраны были. Прямо так сиганула и сразу к этим. Кулаками машет, доказывает что-то. Те знай лыбятся. Кстати, это не я, а Иришка твоя перцев зеленых орками назвала. Короче, хватать начали. И вот тут, видимо, до нее наконец дошло, что глупость сморозила. В бега кинулась. Эти поймать хотели, да куда там. С луками ловко управляются, а вот ноги коротковаты. Быстро не могут бегать. Одного перехитрила, другого.

Ловкая. Да только и зеленые ребята не промах. Даже не заметил, как аркан мелькнул. Мгновение – и спеленали. Но молодец девка, сообразила, что обратно нельзя, всех тогда выдаст. В другую сторону бежала и ни взглядом нас не демаскировала. Ну, ей-богу, Серега, не мог я за ней пойти. Вместе бы там остались. А кто бы остальных пас? Поверишь, не поверишь, не знаю. Будь я один с ней, даже не задумываясь кинулся б на помощь. У меня же самого двое пацанов. Но не мог я…

– Верю, Виталя. Верю. Правильно сделал. Не ты, а я там должен был быть рядом с ней. А значит вина не твоя – моя. Мне и идти за ней. Спасибо, что приютил и делился чем смог. От мертвяков уберег. А теперь давай по последней, за завтрашний поход, и будем укладываться. Вставать скоро уже. Половину ночи проговорили. Нам ведь еще дойти до блокпоста надо.

Глава 5

Поспал от силы часа полтора. Сначала глаз не мог сомкнуть, все мысли разные в голове крутились. О дочери думал. Как она там? Что с ней? Потом выстрелы послышались. Походу, из крупняка долбили. Далеко где-то. Может, у блокпоста. Минут десять стреляли, короткими очередями. Интересно, по кому работали? Потом стихло. Долго прислушивался. Забылся уже перед самым рассветом, а проснулся раньше всех. Как пружиной подкинуло. Сна ни в одном глазу. После ночных посиделок никаких последствий. Хотелось действовать. Ну, раз так, надо остальных поднимать. Пусть готовятся, завтракают. А мне нужно кое-что сделать. Топор штука хорошая, но в бою не так чтобы удобная. Рог этот хоть и имеет прекрасную пробивную способность, как боевой клевец в средневековье, но застревает, зараза. Он ведь для того и создан, тюкнул деревяху какую на пожаре, насадил и тащишь. Нужно что-то попроще. Появилась идея, часа за два сделаю. Корявенько, правда, красоту наводить времени мало, но функциональность должна быть на высоте. Уж мертвяка-то рубануть вполне должно получиться. Плюс ко всему приспособу на автомат сварганить надо, чтобы грохоту меньше от него было. Токарный станок есть, конструкция не сложная. Ну, за дело.

Поднял народ. Недовольны. Ну, дык и я не мать Тереза. Мне ваше недовольство, если честно, до фонаря. Подрядился до блокпоста довести? Так сделаю, что

смогу, а вот сюсюкать, извините, не буду. Я после развода с женой сильно изменился. По характеру. Нет, я не злопамятный, всему племени женскому мстить не собираюсь, дочь-то моя тоже к их когорте принадлежит, но и преклонения перед их привлекательностью не осталось прежнего. Зачерствел душой.

Долил в генератор бензина, до полного бака. Включил вытяжку и переключил заслонку на подвал. Наверху народу полно. Тут горн запускать да с огнем работать не выйдет. Ведь и молотком стучать придется, искры полетят, а тут дети. Нарядил Виталю в старую робу. Смешной. Как на пугале моя роба на нем висит. Рост и комплекция у нас очень разные. Ухмыляюсь. Он тоже зубоскалит. Нет, хороший он мужик все же, хоть и умничает много. Тащим вдвоем наковальню, а потом и горн вниз. Подключаю газ. Включаю в розетку питание вентилятора наддува. Так, теперь горящую бумажку туда и газ открыть. Пум! Пламя ярко вспыхивает, выдавая немного копоти, которая быстро всасывается в раструб вытяжки. Включаю вентилятор и понемногу добавляю воздуха в топку. Загудело. Пламя приобретает голубоватый оттенок. Люблю свою мастерскую. Здесь все для меня удобно и все на расстоянии вытянутой руки. Пока горн набирает температуру, роюсь в железе.

Пара-тройка старых рессор была от грузовика. Да вот они, куда им деться?

– А бардак у тебя знатный, – заявляет вдруг временный подмастерье.

– Слышь, звездочет! Не умничай.

– А чего я такого сказал?

– Вот скажи мне, Виталя, что для тебя порядок?

– Порядок, – эдак с пафосом, надуваясь, изрекает, – когда все на своих местах.

– Молодец, Прошка! Возьми с полки пирожок. А что для тебя значит выражение, «все на своих местах»?

– Ну-у-у, – мнется.

– Вот те и ну! А я скажу тебе. На своих местах это так, когда ты знаешь, что, где лежит, и оно всегда на расстоянии протянутой руки. Порядок, друг мой ситный, это когда удобно и он у каждого свой. Так что ты не лезешь в МОЙ порядок, а я тебе не говорю, куда идти со своими замечаниями. Усек?

– Понял, не дурак! – отвечает, а сам лыбится, зараза.

– Тогда заткнись и делай, что тебе говорят.

– Так ты же и не командовал пока. – Улыбка от уха до уха и руками разводит.

– Дуй наверх, бери пушку, ноутбук и при сюда.

Пока он ходит, проверяю температуру в горне. Тысяча триста уже есть. Нормально. Сую в него первую заготовку. Пусть греется. Сам снова лезу на полку с кругляком, искать нержавейку. Можно б было и из чернятины девайс для автомата выстрогать, но ведь для себя делаю и есть из чего.

Возвращается критик. В руках тащит заказанные вещи.

– Ноут на стол и в розетку, ствол пока в угол поставь, – командую, а сам открываю заслонку и щипцами вынимаю из пламени заготовку. С умным видом изучаю ее. Нет. Не дошла пока. Цвет не тот. Тут ведь дело тонкое, нужно правильно нагреть, иначе дела не будет.

– Что хоть собираешься делать?

– Вооружать нас буду. Нужно глушак сделать на автомат, да в руки что-то. Ты про нож «кукри» когда-нибудь слышал?

– Даже видел. По телику. Гурхи вроде с ними англичан в свое время знатно гоняли.

– Гляди ты! – поражаюсь. – Я думал, ты только на луну пялиться мастак, а ты даже знаешь, что такое телевизор.

– А то! – Рыжий хитро подмигивает. – Даже починить его смогу, в отличие от некоторых. А еще я крестиком…

– Что же ты такой нищий, если такой умный, а, Виталя?

– Дык это, за мозги не доплачивали.

– Это они мудро поступили, иначе б совсем зазнался.

– Слухай, а не коротковаты «кукри» будут? То англичане, а то мертвяки. Тут ведь чем дальше, тем лучше.

– Это ты верно подметил. Поэтому будем делать гибрид, «кукри» с одной штукой, которой в свое время несколько племен в Африке размахивали. Тоже, кстати, по телику видел. Не помню, как ту штуку называли. Но эффективная вроде. Кишок много выпустили. Не то меч на очень длинной рукоятке, не то короткое копье с длинным, листовидным и обоюдоострым наконечником. Хотя… знаешь что? Кукри мы не будем делать. Только вот сейчас мысль в голову пришла, что хрен его знает, как этот клинок будет работать на длинной рукояти.

– А что тогда будем?

– Пойдем простым путем. Зачем нам изобретать велосипед? Поступим проще. Сделаем что-то типа «совни».

– Это еще что за зверь?

– Если объяснять по-простому, то это такой здоровенный мясницкий нож, на длинной рукояти. Клинок сделаем тяжелый, чтобы рубил, ну и рукоять подлиннее для замаху.

– Понял.

– Ну, раз понял, включай ноутбук и ищи там, в разделе «мои документы» папку под названием «Всячина». В ней ищи чертежи, ну, а там полистай заголовки. Короче, глушитель для огнестрела найди. А пока не мешай, тут с температурой надо не пролететь.

С этой работой справился достаточно быстро. Геометрия немудреная. Поковка грубая, конечно, так ведь и не на выставку готовилась. Рукояти-древка делал из дубового бруска. Спасибо соседям столярам. Тяжеловатые вышли. Но тут смысл был в крепости дерева. Можно было и от лопаты черенок приспособить, но тот совсем уж ломкий, хоть и не тяжелый. К тому же клинки тоже ведь не из легких получились, так что одно другое уравновесило. Места соединения рукояти с клинком укрепил бронзовой трубкой поверх дерева. Надежно вышло. А потом подумал еще и, ради баланса, торцевую часть рукояти укрепил так же. На гриндере грубо вывел спуски клинка и заточил. А что, ничего так получилась палочка-выручалочка. Увесистая, и в руке лежит вполне удобно. Саму рукоять в длину делал семьдесят сантиметров, да клинок в рабочей части пятьдесят. И того больше метра расстояние можно контролировать. Посадил Виталия рукоятки наждачной бумагой шкурить, а сам, сняв с автомата пламегаситель и промерив резьбу на стволе, встал к станку.

Понятное дело, что глушак сложной конструкции, для практически бесшумной стрельбы, я за короткое время не сделаю. Тут ведь много факторов на звук выстрела влияют. Главное, чего мне нужно добиться, так это при простейшей конструкции насколько возможно снизить звук и продлить срок службы. Возиться со сменными обтюраторами и фигурными перегородками тупо некогда. Но если не врут источники информации, когда-то нарытые на просторах Интернета, то даже просто пустая банка глушителя снижает звук выстрела на пятнадцать или двадцать процентов. Я же сделаю предварительную камеру расширения газов, а через перегородку простейший глушитель с параболическим рефлектором-отражателем и конусом, дабы отсечь еще какое-то количество газов, обгоняющих пулю. Это уже сам придумал, пока смотрел разные конструкции. Полностью, конечно, звук выстрела не заглушу, но хотя бы процентов на пятьдесят уже тоже хорошо будет. Мне не спецоперацию проводить по устранению лидера чужой страны, да и не киллер я. Мертвяков бы обдурить, не больше. На открытой местности выстрел и так не сильно по ушам долбит. Звуку отражаться не от чего, а если получится то, что я задумал, то мертвяки на расстоянии метров в триста и не поймут, что хрустнуло.

Простейший-то простейший, а провозился почти три часа, хотя думал, за полтора управлюсь. А что вы хотели? Я же первый раз делал. Вот только не спрашивайте, откуда у меня чертежи. Из сети, вестимо, откуда же еще? Зачем? Нет, я не собирался в киллеры идти и даже банки не хотел грабить. Просто я мужчина. Ну, по крайней мере, на большей части ландшафта моего тела. Мне само по себе оружие интересно, как огнестрельное, так и холодное. Так уж мы

мужики устроены, в отличие от пока, слава богу, не подавляющего, толерантно настроенного в нашей стране исключения. Смотрел, что заинтересовало, копировал. Жрать не просит, а значит, не мешает. Вот, пригодилось.

Накрутил приблуду на ствол. Смотрится впечатляюще. Общая длина трубы триста пятьдесят миллиметров и диаметр сорок. Никаких расчетов, все наобум. Чертежи-то не специальные искал. А просто принципиальные схемы устройства. А размеры с потолка взял, на глаз. По памяти, что в телевизоре видел. Еще бы работал удовлетворительно. Выходные отверстия я максимально приблизил к калибру. К какому? А давайте смотреть. Калибр АКСУ в идеале пять целых сорок пять сотых миллиметра. Учитывая возраст оружия и его возможный настрел, там его точно давно нет. Промерять ствол было нечем. Знал бы заранее, так наточил бы калибров для промера. Но вот не было под рукой. А на глаз так канал ствола вполне был в удовлетворительном состоянии. Нарезы четкие, местами, правда, имелись царапины, оставленные, возможно, кривыми руками Долбина при чистке, но не критично. Я решил выходные отверстия глушителя делать на шесть миллиметров. Так точно не ошибусь сильно. Ну не было возможности для экспериментов. Патроны на счет, переделывать конструкцию по несколько раз желания нет, да и время жмет. Имейте совесть. Однако хотелось все же максимально расширяющегося при выстреле газа отловить. Было бы неплохо со знающими людьми пообщаться, вопросы позадавать, но где же их взять-то сейчас, людей тех? Станок у меня хорошо настроен, соосность должна быть на высоте. Прямо сейчас и проверю, дерьмо слепил или все же что-то получилось.

И ведь получилось. Возможно, какой-то супер-пупер спецоружейник поржал бы над моим «шедевром», так и на здоровье. На лавры Кулибина не претендую. Я же просто интересующийся, не профи, плотно этим вопросом не занимался, а учитывая ситуацию, как по мне, то очень удачно вышло. Я даже не пожадничал и ради эксперимента два патрона выделил. Чтобы до и после сравнить. Вы знаете, вот кто бы что ни говорил, а звук значительно снизился. В замкнутом ведь бетонном помещении стрелял, в горловину нержавеющего бака, который некогда сам вкапывал. Там и так дырок насверлено. Одной больше, одной меньше. Даже не оглох. По ушам, конечно, бумкнуло, но терпимо. А вот когда скрутил свой кустарный ПБС и выстрелил еще раз… нет, точно говорю, результат даже Виталя ощутил, который обсмеял мой первый выстрел. На открытой местности так и вообще, думаю, можно за двести метров не услышать. Что и требовалось! Мне б со всей округи не собрать толпу голодную, вблизи-то и так шумно. Твари рычат да визжат, я тоже, наверно, орать буду, чтобы самому не так страшно было. Что? Баллистика? Какая баллистика? Вы о чем? Я из длинноствольного «калаша» на ста метрах лежа и то вряд ли в центр мишени

попаду. Какая на хрен баллистика? Вы бы еще мне скорость ветра, влажность воздуха, его температуру, высоту над уровнем моря и кривизну земной поверхности предложили учесть. Ха-ха три раза. Мне б в упор не промахнуться. Уж на пятидесяти-то метрах, думаю, нормально зайдет. А вы смейтесь, если желание есть. Мне не жалко.

Хорошо, что поднял народ очень рано. Еще до обеда вышли. Я ведь себе еще рюкзак собрал, кроме всего прочего. Там смена белья, мыльно-рыльные принадлежности, две бутылки по полтора литра с водой в боковых карманах, пяток банок тушенки, килограмм риса и кусок того самого сала из магазина, в который накануне заходили. Бухта веревки метров на триста, коврик, чтобы на голой земле не сидеть. Вот котелка не было. Надеялся разжиться на блокпосту. Как долго за дочерью бегать, не знаю. Откуда? Только направление ведь чувствую, расстояние нет. Но решил со жратвой завязывать. Буду питаться немного и только вечером, оставляя чутка на утро. Дела такие творятся, что нужно поскорее возвращать форму. Короче, собрались и вышли. Стою, как тогда в первый раз. Прислушиваюсь и принюхиваюсь. Топор тоже не забыл. На ремне весит. Он хоть и пожарный, а дерево рубить, если вдруг понадобится, не хуже специального будет. Вместо него, как оружие, в руках смесь двух эпох и народов, с моими доработками, на спине рюкзак. Одежда та же. Какие ночи тут, я не знал, а уж какие они будут дальше, тем более. Лучше иметь лишнюю теплую одежду и выкинуть за ненадобностью, чем не иметь ее и простудиться.

– Как пойдем? – спрашиваю Виталю, а сам понимаю, что из меня проводник, как из поросячьего хвоста сабля. Клепал, строгал, точил, сверлил, ковал, кашу трескал, спирт пил. Все делал, но продумать маршрут даже в голову не пришло. Пипец, мля. Хорошо, что со мной были специалисты по дальним переходам такие, что этого косяка даже не заметили.

– Думаю, через морское кладбище надо двигать. Так ближе всего будет. Приличный кусок срежем. Если пойдем через Новожилова, а дальше через Басаргина на объездную, то много завалов преодолевать придется, да и опасно там. Мертвяки бродят или вообще типа наших живчиков попадутся.

– А на кладбище, думаешь, будет спокойно? Мертвяков опасаешься, а на кладбище лезть собираешься.

– Так там правильные мертвяки лежат.

– Это как?

– Понимаешь, это гипотеза только. Думаю, что поднялись только те, кто погиб во время переноса. Уже здесь. Старым мертвякам, кто помер еще на той стороне, не встать. Тут как мне кажется, влияет момент смерти и воздействие местных условий. Плюс ко всему, покойников хоронят на хорошей глубине и в гробу. Два метра земли и гроб хорошее препятствие для подъема. А, как считаешь?

– Аргумент. Так и поступим. К тому же действительно приличный кусок срежем.

Беру в руки баллончик с аэрозольной белой краской и вывожу на воротах гаража: НЕ ВСКРЫВАТЬ! ИМЕЕТСЯ ВЫЖИВШИЙ ХОЗЯИН. УВИЖУ У КОГО МОЕ БАРАХЛО, ГЛАЗ НА ЗАДНИЦУ НАТЯНУ И МОРГАТЬ ЗАСТАВЛЮ!!!

– Вот теперь точно всё, – ухмыляюсь, – выступаем. Сказано – сделано. Собрались в кучку и пошли сначала опять к дому, а потом налево от подъезда. А Виталя оказался прав. На кладбище старых мертвяков не было. Только двое попалось, но те уже из свежих были. Они было поплелись за нами, но отстали, когда мы ускорились. Голодно им тут. Чего приперлись? Пересекли кладбище по диагонали. Далее нам предстояло добраться до объездной трассы, а там уже по широкой магистрали топать до моста. Слева от кладбища был новый микрорайон. Недавно совсем построили. Буквально вот только-только заселили. Его решили обходить правее, по гребню сопки. С высоты хорошо просматривалась котловина, по склону которой вниз, уступами стояли дома. Ну, когда-то стояли. Сейчас там мало что осталось. Иду, по сторонам смотрю. Часто останавливаюсь, чтобы послушать округу. Скоро уже выйдем к трассе, которая с площади Окатовой выходит, за ней, если ее пересечь, будет лодочная стоянка, ковш, если по-нашему, по-местному. Можно б было до Русского и на лодке добраться. Были бы лодки, а завести не проблема. В сезон они все комплектные стоят на воде. Да только перенос если таковой и правда случился, зимой произошел. А у нас тут пусть не полюс холода, но лед в это время года гарантированно встает. Так что лодки все либо на берегу, либо еще где, но только не на воде. Кстати, а это не стрельба часом оттуда слышится? Мы как раз на самой вершине. Деревья мешают, а не было бы их, так все равно не увидели бы ничего. Далековато, да еще в низине действие происходит. Останавливаю движение возле какой-то ямины. Дальше надо идти кому-то одному. Разведывать обстановку. А то так сунешься дурниной и огребешь по гланды. Эх, еще бы одного для охраны. Вот как Виталю оставить? Он воин еще хлеще меня. Я хоть кулаками когда-то махать учен, а он тяжелее паяльника в жизни ничего

не держал. Но деваться некуда. Идти не глядя опасно. Инструктирую всех сидеть тихо в ямке. Заставляю напарника надеть свою куртку, она ему конечно же велика, но уж лучше посеревшая от времени и жизни старая кожаная куртка не по размеру, чем его красная майка с серпом и молотом на груди. Тоже мне, пролетарий, блин… умственного труда. За километр светится. Остальные одеты не лучше. Но тем хоть простительно, с баб-то и детишек какой спрос? Так что пусть сидят, а рыжий охранник маскируется в моей куртке. Смотрю на него и понимаю, что его огненный причесон однозначно надо тоже прятать. Снимаю с себя и напяливаю на него лыжную шапку. Она черная. Вот теперь порядок. Я-то пегий почти, мои волосы хорошо сливаются с лесом, впрочем, как и черные когда-то джинсы да не менее серый свитер с оленями. Да, да!!! С оленями. И нечего ржать. Сам знаю, что дурацкий. Но почему-то все мамы дарят именно с оленями. Он так связан зато, что до сих пор на мое пузо налезает и теплый к тому же. И пофиг, что дурацкий рисунок все портит. Он мне милей всех других свитеров на свете. Его даже моль не ест. Может, понимает, как он мне дорог, а может, от моего запаха дохнет еще на подлете. Так что я весь из себя серый, зовут меня созвучно и жизнь моя серей некуда. Замаскируюсь где угодно.

Пошел. Кому как не мне? Ну, типа я самый что ни на есть бывалый в нашей компании, ловкий и незаметный. Посмотрю, что там за стрельба с криками. Понятное дело, что ничего хорошего. Но надо же разобраться, ждать нам, пока там все успокоится, или обходить стороной. Хотя и обходить-то негде. Там, за магистралью, дальше только обрыв к морю. А вдоль него такой непонятный жилой массивчик. Точнее, стоят дома в один ряд, а если еще точнее, стояли. А уж вдоль них и шла объездная трасса, которая упиралась в мост на остров Русский. Какой умник тут дома забабахал, хрен знает. На самом ветру, на скале. Ни инфраструктуры, в виде той же школы или магазина, не говоря уже о детском садике или поликлинике. За хлебом и то на машине надо. Короче, ерунда. И место и дома те. По слухам, там не очень спешили квартиры покупать. Хотя вид оттуда шикарный, конечно, на залив открывается. Однако покупать жилье, руководствуясь одним только видом, глупо. Есть и более интересные предложения.

Крадусь. Ну, во всяком случае, мне так думается. Стараюсь ступать осторожно, чтобы ни одна сухая веточка не хрустнула. Но почему-то уверен, что это только мне так кажется. Спустился с горки к дороге. Взгляд влево, вправо. По асфальту ковыляет мертвяк со стороны Окатовой, явно держа курс на шум. Снова заползаю под деревья. Прямо как в стихах про дровосека: «я из лесу вышел и… снова зашел». Жду, пока голодающий прошкандыбает мимо и скроется в низине. Вроде больше нет никого. Быстро перебегаю через дорогу. Со стороны, поди,

смотрюсь эпически. Редко в наших краях, через дорогу, потрясая телесами, делая вид, что двигается грациозно и пружинисто, переходит бегемот в свитере с оленями, у которого на спине болтается АКСУ, на поясе пожарный топор, а в руках дубовая дубина со здоровенным таким мясницким тесаком на конце. Зомбари местные, глядя на такое чудо, точно ласты склеят… от хохота. Кряхтя перелезаю через отбойник. Стрельба все ближе.

Интересно, кто же это там палит? Да выстрелы такие, что ни разу на автоматные не похожи. Скорее ружейные. Сочные такие. Из гладкоствола долбят? А почему бы и нет. На сегодняшний день такие стволы, пожалуй, покруче нарезных будут. Особенно на коротких дистанциях да крупной дробью, желательно картечью. Даже целиться особо не надо. Россыпь хорошая. По-любому достанет и черепушку снесет. Одно плохо, уж больно громкие выстрелы. Всю округу соберут. А страждущих нынче хватает. Я вот ночью стрельбу слышал. Раньше, может, тоже стреляли, да я в отрубе, вернее в полубессознательном состоянии, валялся. Если б и услышал то, вряд ли понял. Себя-то с трудом осознавал. А вот теперь, когда задался вопросом, что же это тут, на отшибе города, где и в хорошие-то времена народу не шибко густо было, столько неупокоенных разом делает? Задался вопросом и сам на него ответ дал. То и делает. Вояки, если это они стреляли, а из крупняка долбить больше некому, сами же и собирают тут эту гопоту дохлую. Понятное дело, что им приходится отстреливать бродячую нежить. Вот только объяснить им, походу, некому, что стрельба далеко слышна и на нее, как мотыльки на свет, ползет мертвая братия отовсюду. Эдак ребятишки, кроме мертвых, более никого не соберут. Выжившие люди могут тупо не добраться, а вот отожравшимся трупоедам свеженина на стол сама придет. Это же какие монстры могут получиться в результате? Бр-р-р! Уже страшно.

Так. Что же конкретно тут произошло? Кого это прижали? Блин! Плохо видно. Но стрельба идет где-то на территории лодочной станции. Иду, а голова без моего участия вертится на триста шестьдесят градусов. Даже на словах не передать, как мне сейчас жутко. Это же ожившие кошмары из фильмов ужасов. Вот бы сюда сейчас всех тех режиссеров и писателей с больным воображением, которые извращаются в написании подобных сюжетов. Всех сюда оптом и пачку мертвечины голодной, голов хотя бы с десяток им для развлечения. Быстро бы научились про розовых пони шедевры ваять. Нет, я понимаю, что та писательская братия применительно к данной ситуации никаким боком отношения не имеет. Но вот просто хочется их всех сюда. Всех разом. На излечение психики.

Нет, все равно не видно. Там какие-то ангары мешают обзору. Да и заборчик из профнастила высокий. Ладно, возьму левее к трассе, чтобы выйти к воротам. Может, и увижу что. Минут двадцать я по кустам «незаметно» крался. Один раз чуть не нарвался на тройку зомбарей, которые подергиваясь вразнобой, целеустремленно шлепали на звук. Стрельба продолжалась. Кто-то нещадно жег боеприпас. Сколько же там запасу-то с собой? Уже за третью сотню, наверно, переваливает. Хотя я ведь и не считал. Просто канонада стоит почти непрерывная. Но работают, похоже, два ствола. Видимо, один палит, второй перезаряжается, потом наоборот и так по кругу. Серьезно ребята подготовились. Ага, а вот и ворота показались, открыты нараспашку, а за ними… мама дорогая, ну прямо митинг. Толпа, голов… до хрена, короче. Но те просто стоят, да задрав тыквы, смотрят… ну или ждут чего-то. Хотя чего ждут, тоже понятно. Недалеко от ворот, на модной телеге стоит катер. Здоровый. Метров пятнадцать длиной. Дорогой катер. Бабла в него хозяин вбухал, судя по всему, немерено. Одной аппаратуры на нем до хрена и больше. Да и каюта, походу, на борту богатая. С санузлом, камбузом и прочим. Так вот на катере том держали оборону двое. Мне с такого расстояния, приблизительно метров около двухсот или может больше, разглядеть сложно было. Однако я различил, что мужики в камуфляж прикинуты, а в руках держали что-то вроде «калашей». Какое оружие было точно, не разберешь. Нет, понятно, что образцы российского производства. Тут двух мнений быть не может. Либо «Вепри», либо две «Сайги». А может, и вперемежку. В том смысле, что у одного то, а у второго другое. Однако для меня в данном случае эта информация какой-либо значимости не несет. Ну буду я знать, что за стволы там, какая с того польза будет? Никакой. Так что без разницы.

Катер высокий. Походу, ребята его специально для этой цели выбирали. Борта покатые, гладкие. По ним, даже при желании, без помощи веревки, стремянки или подъемника не заберешься. Только с кормы есть такая возможность, но корму они как раз и контролируют. Толпу собрали, хоть сейчас импичмент проводи кому хочешь. Ну, чисто Петроград в семнадцатом году. Ленин на броневике, а вокруг благодарные слушатели. В данном, конкретном случае, правда, не очень прям и благодарные, да и Лениных было более одного. Хотя… почему это неблагодарные? Если «аудитория» таки доберется до этих «докладчиков», то благодарность их не будет иметь границ. В гастрономическом плане, естественно. Да и ладно б там одни обычные трупаки стояли. Пусть много, но они в некоторой степени достаточно пассивные. Стоят и ждут. Терпения-то не занимать. Впереди вечность. А вот здоровенная туша чего-то или кого-то ну очень приличных размеров и, главное, демонстрирующая серьезную активность, наводила на мысль, что перестрелка может закончиться не в пользу

защитников с катера.

Где же этот упырина так отожраться-то успел? А впрочем, как раз те вояки, зазывающие людей к себе, вполне могли ему в этом поспособствовать. Времени прошло уже недели две с тех пор, как первые мертвяки поднялись. За это время могло много народу ту передачу услышать. Случайно оказавшийся тут зомбарь мог удачно подхарчиться первыми жертвами, держащим путь на Русский, в надежде получить помощь и защиту, а потом… потом дело техники. Сиди и жди. У них ведь, судя по той же Светке и ее корешу в трениках, уж если не мозги, то хитрость была иному живому на зависть. Так что результат налицо. Идти просто так нельзя. Тут надо на машине прорываться. А еще лучше на танке. Кстати, машина-то есть. На трассе стоит «Тундра». Тойотовский внедорожник с кузовом. Правда, этот был еще и кунгом укомплектован. Принимаю решение сходить сначала к нему. Проверить, чего он там вообще стоит-то. Если заведется, то можно на нем уехать и всю ораву мою за раз отвезти.

Потихоньку, не спеша пячусь задом, не забывая держать под контролем несанкционированный митинг на лодочной станции и остальную округу. Еще десять минут и я у машины. Оглядываюсь. Вроде тихо. Ну, в том смысле, что ко мне никто не чапает. Ни живых, ни мертвых. Пальба-то стоит о-го-го. Видимо, не до меня сейчас. Все на праздник спешат. Ну, дык я и не в обиде. Что тут у нас? Ага! Одного взгляда хватило, чтобы понять всю картину произошедшего. Тут не надо быть следопытом. Все оказалось просто и до невозможности глупо. Тупое стечение обстоятельств. Эти парни ехали вот на этой самой тачке. Ребята при деньгах, похоже. Ехали они себе, ехали и, наверное, так бы и доехали, не случись банальный прокол колеса. В обычной ситуации для двух рукастых мужиков работы на пятнадцать минут, с двумя перекурами если. Но не тут-то было. Они даже запаску успели снять. Вот она, рядышком лежит, заботливо приготовленная на замену вышедшему из строя колесу, и даже машина уже на домкрате висит. Далее ребят спугнули. Не поручусь за точность восстановленной картины, но видимо, к ним кто-то заглянул на огонек. И отнюдь не по причине оказать помощь в замене колеса. Кто к ним в гости пожаловал, я не скажу, может, обычный зомбарь одиночка, а может, сразу тот упырь ГМОшный, но то, что стрелять начали здесь, очевидно. Синих и красных гильз двенадцатого калибра тут насыпано достаточно. Ну, а дальше уже не надо быть провидцем, чтобы понять остальное. На звук стрельбы потянулись господа «повстанцы», чем дальше, тем больше. Опять же, ребята палили бездумно. Я-то по счастливой случайности понял, что в первую очередь надо башню сносить, а эти, видимо, не сообразили. Гильз до фига, а вот результат плачевный. Всего-то штук пять тел угомонили. Далее, судя по всему, стало ясно, что около машины

не устоять. Вот и ломанулся народ на лодочную станцию по наикратчайшему расстоянию, в надежде найти убежище, но вместо него нашли идеальную ловушку. Им бы сразу плюнуть на все и дальше ехать, хоть на спущенном колесе. Плевать на машину! Жизнь дороже. Но вышло, как вышло, колесо уже висит на последней гайке. Далеко не уедешь, да и с домкрата, чтобы спустить, время надо. Он модный, приобретенный, скорее всего, в специальном магазине, механический и соответственно ручной. Был бы гидравлический, сброс крутанул и готово, а тут… Тачка тоже, кстати, нафокстроченная. Явно на внедорожные покатушки подготовлена. Ключи в замке.

Снова оглядываюсь. Вроде спокойно. Все там. На «праздновании» дня чревоугодия. Раз такое дело, нужно менять колесо, ведь еще до меня все приготовили, скидываю дырявое, накидываю новое. Быстро заворачиваю гайки. Сердце колотится. Ощущение, что вот-вот холодная рука ляжет мне на плечо и загробный голос произнесет:

– Слышь, жирдяй, пожрать есть? А если найду?

Вытираю испарину холодного пота. С «ксюхой» наперевес обхожу машину, дабы убедиться, что страхи беспочвенны. Фу-у-ух. Вроде спокойно. Стрельба гремит, зомбари с превеликой надеждой ждут хлеба и зрелищ, а упырь соответственно кружит вокруг катера. Приглядываюсь. Отмечаю, что один из обороняющихся заметил мои действия. Что он там думал?.. Наверно, ничего хорошего. Ну, а что бы вы подумали, если бы увидели, как вашу же машину, воспользовавшись ситуацией, пытаются поставить на ход и?.. В общем, понятно. Закралась гаденькая мыслишка. Может, так и надо? Ну, в самом деле, кто они мне? Я их знать не знаю и какими-то обязательствами по отношению к ним не связан. Опять же делаю благое дело. Женщин и детишек спасаю. Это ведь стоит того, тем более что на этой тачке возле моста я буду минут через пять после того, как мои подопечные разместятся в салоне внедорожника и в кузове. А там вояки. Сообщу им, пусть выручают ребят. Идеально же выходит. Всем хорошо. Но вот совесть, мать ее!!! А вдруг не успею? А вдруг, пока я вернусь к сопке, пока поднимусь по крутому склону к своим, потом пока спустимся, пока рассядемся… На колесах до блокпоста мигом долетим, но вот ведь… пока объяснишь там, пока спасатели доедут сюда. Еще неизвестно, как отреагируют. Могут ведь начать согласовывать с начальством. Короче, если парней тут пустят на стейки, я ведь никогда себе не прощу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danil-chenko_oleg/luzer

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити